

Р **УССКИЕ В ГРУЗИИ**

МАРИЯ ФИЛИНА

МАРИЯ ФИЛИНА

**КАВКАЗ... НЕСОМНЕННО
СТРАНА ЛЮБВИ...**

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

БИБЛИОТЕКА МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО
СОЮЗА «РУССКИЙ КЛУБ»

МАРИЯ ФИЛИНА

КАВКАЗ... НЕСОМНЕННО СТРАНА ЛЮБВИ...

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

Тбилиси
2016

Русско-грузинские культурные взаимоотношения поистине являются историческим феноменом, не имеющим аналогов.

Россию и Грузию связывают 11 веков взаимного общения. Начало этих отношений восходит к X веку - в древнерусских летописях упоминаются Грузия и Тбилиси. В 1491 году были установлены дипломатические отношения. При Петре Первом на берегах реки Пресни заложена Грузинская слобода (в просторечье - «Грузины», ныне - Большая Грузинская). А с конца XVIII века, после заключения в 1783 году Георгиевского трактата, отношения между странами стали особо тесными и интенсивными.

На покровительство Грузия отвечала помощью и поддержкой - в том числе, культурной, духовной. Приют, пристанище здесь обретали многие великие русские - опальные и гонимые в России, в Грузии они всегда находили свободу, работу и почитание.

Серия «Русские в Грузии» - первый опыт систематизированного освещения богатейшей истории пребывания в Грузии выдающихся российских деятелей искусства, религии, науки, литературы, спорта, достойных благодарной памяти потомков.

Серия станет настоящей энциклопедией русско-грузинских взаимоотношений.

Проект направлен на популяризацию российского культурного наследия, возрождение интереса к России в Грузии и к Грузии в России, активизацию общественного диалога и культурного общения двух православных народов-соседей.

Издатель -

Международный культурно-просветительский Союз

«Русский клуб»

Руководитель проекта -

НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

заслуженный деятель искусств РФ,

заслуженный артист РФ

© **Русский клуб. 2016**

ISBN 978-9941-0-9112-4

Писательский дебют Льва Николаевича Толстого, создавшего один из самых ярких художественных миров в истории человечества, состоялся на грузинской земле. Среди его поистине необъятных интересов Грузия навсегда заняла свое место. Она вошла в жизнь русского гения сюжетами, буйной природой, древними обычаями, острыми переживаниями, а главное, близкими людьми. Связи его с Грузией многомерны.

Безусловно, контакты Толстого с Грузией столь подробно изучены, что кажется, нечего добавить к трудам наших предшественников. Возникает вопрос, чем отличается сегодняшнее осмысление вопроса и почему оно важно? Наши учителя собрали огромный материал – переписку, воспоминания, дневники, описали географические и этнографические факты и реалии. Основные работы созданы в 1950-1980-е годы, когда возник краткий стабильный период. Казалось, Кавказская во-

йна, в которой участвовал Толстой и которую он описал, – давняя история. Конец XX и начало XXI столетий принесли новые войны, и оказалось, что конфликты, описанные Толстым, не просто актуальны – они через полтора столетия вызвали новые кровавые события, на Кавказе словно сконцентрировались вражда, боль, непонимание. Толстой записал: «Кавказ – это война и свобода». Сегодня наше поколение, которое на себе испытало грозные разряды на Кавказе, возможно, и не знает ответа на вопросы: Что за война? Какая война? Где война? Она уже завершилась или где-то тлеет? Что за силы противостоят и провоцируют так называемые «военные столкновения»? И что такое свобода? В такой ситуации, когда кажется, что мир изменился неузнаваемо, выясняется, что великие предвидели многое и о многом предупреждали, и каждое слово Толстого обретает первозданный смысл.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Лев Николаевич прибыл в Тбилиси (название города того времени – Тифлис – употребляем в источниках) в ноябре 1851 года, но до этого он оказался на Северном Кавказе и в столицу Грузии прибыл уже с багажом ярких впечатлений.

Этот период подробно описан в воспоминаниях, а также в книге Ивана Ениколопова «Лев Николаевич Толстой в Грузии» (Издательство Союза писателей Грузии «Заря Востока», Тбилиси, 1961), монографии Г. Талиашвили «Толстой в Грузии» (Тбилиси, 1951) и в первом томе двухтомника «Летопись дружбы» профессора Вано Шадури (Тбилиси, 1967). В этих работах собран обширный архивный био-библиографический материал, и мы позволяем себе использовать труды предшественников.

Обширные сведения о Грузии и Кавказе мы находим в официальных изданиях министерства народного просвещения и министерства внутренних дел того времени, в журналах «Русский вестник» и «Вестник Европы», отдельных монографиях, например, в «Обзрении российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом и финансовом отношении», инициатива издания которого принадлежала А.С. Грибоедову. Из работ, достойных быть отмеченными, надо указать трехтомный труд А. Муравьева «Грузия и Армения», написанный со знанием дела.

Много любопытных сведений сообщала газета «Кавказский вестник», редактируемая Захарием Палавандишвили, потом – историком Платоном Иоселиани, а также газета «Кавказ», выходявшая в Тбилиси с 1846 года. Естественно, трактовка военных событий отражала официальную версию, и приходится «отвлекаться» от позиции властей и некоторых авторов, но следует иметь в виду, что собран целый массив материалов.

Пребывание Толстого на Кавказе отражено в дневнике писателя, который он вел с 1847 года, в письмах к родным, архивных документах, позволяющих воспроизвести подробности его офицерского пути, воспоминаниях В. Полторацкого, служившего в одном с ним отряде, воспоминаниях и сводках в книге капитана М. Янжула «80 лет боевой и мирной жизни 20-й артиллерийской бригады», служившего в той же батарее, где и Лев Толстой. Многие сведения помещены в «Биографии Л.Н. Толстого», написанной П. Бирюковым. Но главное – пребывание будущего классика на Кавказе увековечено в его произведениях: «Набег», «Рубка леса», «Встреча в отряде с одним знакомым», «Казак», «Кавказский пленник» и через много десятилетий в повести «Хаджи-Мурат». И эти творения обессмертили не только Кавказ Толстого, но всю эпоху.

В первые же дни на Кавказе Толстой определил значение своей поездки, он охвачен радостным чувством: «Я никогда не раскаюсь в том, что приехал на Кавказ: это была мысль, которая принесет мне пользу...».

Молодой граф в ту пору в неустанных поисках своего пути переезжал с места на место, пробовал себя в самых различных занятиях, от

▲ Дагестан. Вид от укр. Гуниб на долину Кара-Койсу

восточных языков до правоведения, уже пытался по-своему устроить и облегчить участь крестьян, но, видимо, ему необходима была радикальная перемена обстановки, и краем его поисков самого себя стал Кавказ. Тома написаны о том, что Кавказ вдохновил на создание многих шедевров классиков русской словесности. Грузия притягивала всех романтиков, стала их поэтическим Востоком. В лице графа Толстого прибыл будущий беспощадный реалист, анализирующий каждую деталь своего вдохновения. Можно сказать, один из главных неромантиков мировой литературы, хотя прошли времена, когда литературоведы проводили четкую грань между реализмом и романтизмом и жестко определяли причастность к тому или иному направлению. Мировоззрение синтетично, и смена течений не исключает элементов романтизма в реализме и – наоборот.

А.С. Пушкин в «Кавказском пленнике» называет Грузию «счаст-

ливой», а через несколько лет рождается его строка о песнях Грузии «печальной». Поэт начинает проникать в глубинные противоречия жизни кавказских народов, трагизм их судьбы, создает поэму «Тазит». И тем не менее до Толстого Кавказ был краем романтического вдохновения. Лев Николаевич постигает такие детали быта и обычаев иного края, которые были недоступны до него. Споры о романтизме не утихают. Но если говорить о самом принципиальном, то исчезает интерес к необычному герою в особых ситуациях. Возникает интерес к глубинному постижению повседневности, где, кстати, есть место и для обычного, и для исключительного. Толстой отнесся с равным интересом к каждому обладателю души – независимо от происхождения и данных интеллекта. А в конце его жизни пропорции и вообще меняются. Писатель и мыслитель наделяет истинными душевными качествами простых «естественных» людей, а представителей высшего

▲ Лев и Николай Толстые

света вообще лишает этих качеств. Но это будет потом. Кавказ притянул молодого графа редкостным разнообразием своих обычаев, языков, характеров, миров. «Не знаю, является ли Кавказ страной вдохновения, но он несомненно страна любви...» (15.XII.1851 г.), – написал Л.Толстой в Тбилиси, и это положение стало программным. И удивительно, что одновременно автор готовится к экзаменам в военной области и собирается участвовать в жестоких боях, где мало места остается для любви. Но любовь Толстого охватывает все стороны жизни, она проникает в самые страшные ситуации, она одна является абсолютной ценностью. Знаменательно, что высказано это в Тбилиси, всегда славившемся своим любвеобилием, признанием самых разных этнических миров, а, значит,

мировоззренческих категорий, сосуществованием многих религий и общей жизнью всех населявших его народов.

Итак, граф решил сопровождать своего брата, подпоручика Николая Николаевича Толстого, вскоре – участника многих военных экспедиций в Чечне. Николай был особым примером для Льва, признавшего, что брат оказал на него «самое сильное и благотворное влияние в смысле стремления к совершенству». Толстые прибыли в станицу Старогладковскую. Свой дневник от 30 мая 1851 года Лев Николаевич начинает вопросами: «Как я сюда попал? Не знаю. Зачем? Тоже». Он спасался в новом окружении от внутреннего кризиса, возникшего у него в ту пору. Он был готов и к участию в боях, и к погружению в дикую природу, и к любви, и к новым встречам. Возможно, это ожидание выразил через несколько лет Оленин, близкий автору герой «Казаков», веривший, что теперь, «с выездом его из Москвы, начинается новая жизнь, в которой уже не будет больше тех ошибок, не будет раскаяния, а, наверно, будет одно счастье».

«Новая жизнь» продолжалась почти три года. География перемещения Толстого широка: казачья станица на берегу Терека, Тифлис, Мухровани, Кизляр, Грозный, Владикавказ. И участие в военных действиях – добровольно, а позже – офицером. Кавказская природа пленяла, казачья жизнь поначалу поражала почти патриархальной простотой и контрастом со светским бытом, будоражила мысль и долго давала стимул и сюжеты для творчества. Молодой Толстой ознакомился с русскими текстами о Кавказе, с романтической поэзией и прозой, внутренне спорил

с ними, от ученичества сразу перешел к мастерству и создал произведения, которые и определяют осмысление Кавказа, и не только в русском сознании.

Братья Толстые избрали не самый краткий путь, через Казань на Саратов, оттуда в небольшой лодке до Астрахани, а из Астрахани на почтовых через Кизляр в станицу. В своем письме к тетке Т.А. Ергольской Лев Николаевич сообщает, что «путешествие в небольшой лодке до Астрахани было очень поэтично и полно очарования... по новизне мест и по самому способу путешествия», и добавляет, что он «пока очень доволен поездкой», что у него есть «много предметов для размышления», много книг, которые он захватил в Москве для чтения, и «занимается даже в тарантасе».

30 мая 1851 года Л.Н. Толстой уже на Кавказе. Он поселяется с братом в станице Старогладковской при 4-й батарее 20-й артиллерийской бригады – в месте службы Николая Николаевича. Станица не произвела на него особенного впечатления: «Природа не представляет до сих пор ничего завлекательного», – написал он в дневнике (11.VI.1851 г.). Старогладковская была расположена в низине, на левом берегу Терека. Толстой же мечтал увидеть горные вершины и предполагал застать войну в самом разгаре. Позже он воспринимал станицу почти как родную, как место, куда он возвращался постоянно.

Толстой сразу начинает пополнять свои знания о Кавказе. Он знакомится с чеченцами, приезжавшими в качестве кунаков к офицерам в гости, слушает рассказы сослуживцев по бригаде – участников боев с горцами, много читает. Еще студентом

Казанского университета юный граф около года «изучал арабский и турко-татарские языки», а до поступления в университет брал уроки восточных языков у известного профессора Казем-Бека. На Кавказе он принялся за практическое изучение татарского.

Лев Николаевич быстро «врастает» в жизнь «гребенских» казакостароверов, названные так по гребням гор в Сунженском и Терском районах, где они поселились. Граф осваивается в непривычной обстановке, много нового, неизведанного находит он здесь, столкнувшись лицом к лицу с местным населением.

«Жителями этой станицы были выходцы из рязанской вольницы, поселившиеся здесь еще во времена Ивана III, они пополнялись беглыми из России, а также людьми из отряда атамана Андрея, одного из сподвижников Ермака... Гладковская (ставшая потом Старогладковской, в отличие от Новогладковской) и другие, образовали в совокупности «Терскую линию», превратившуюся позже в «Кавказскую линию»... Вся эта «линия» состояла из ряда казачьих станиц и поселений и к началу XIX века являлась как бы русской государственной границей на Кавказе. До того независимые, выросшие среди гор казаки мало чем отличались в своих понятиях, обычаях и образе жизни от буйных своих соседей чеченцев, от которых их отделяла только река Терек. Связанные подчас с чеченцами родственными отношениями, они по мере усиления царской завоевательной политики в Закавказье вынуждены были подчиняться всем тяготам военщины – выставлению «очередей» для участия в военных действиях против горцев и несению сторожевой службы у себя. Они обязывались также отводить по-

▲ Е.Лансере. Станица Старогладковская. 1928

мещения на постой, что составляло одно из самых тяжелых требований для казачества... Любопытного Толстого, сразу полюбившего этих удалцов за их простоту и дельность, влечет увидеть и почувствовать прелесть гор. И как только представился случай, он следует за братом, которого посылают на очередную службу в Старый Юрт – укрепление, устроенное для укрытия больных в Горячеводске (Истису), известное своими целебными водами...», – так описывает И. Ениколопов занятия Толстого и те места, где он поселился.

Летом 1851 года Лев Николаевич участвовал в качестве волонтера в вылазке против чеченцев, в бою погибли трое солдат и более тридцати были ранены. Толстой принимал участие во многих боевых действиях в Чечне под командой капитана Хилковского, о Толстом в этих боях пишет М.А. Янжул в своей книге «80 лет... 20-ой артиллерийской бригады», характеризуя «его героизм, чуждый всякой аффектации и по-

шлости». Позже именно так великий баталист опишет поведение на войне своих любимых героев.

«Сильные переживания, обыкновенно испытываемые в первом бою, трудности походной жизни не могли не запечатлеться в памяти писателя на всю жизнь, – пишет И. Ениколопов. – Тяжесть таких походов скрашивалась возможностью в необычайной обстановке насладиться прелестью первобытной природы, узнать поближе простых русских солдат и офицеров. Все эти впечатления Лев Николаевич по приезде в станицу Старогладковскую, где у него была постоянная квартира в казацкой избе, заносит в свой дневник. Август и сентябрь он проводит в этой станице. По повести «Казак», носящей автобиографический характер, можно представить, как тяжело переносил такую жизнь писатель. В одной из дальних своих поездок Лев Николаевич встретил родственника Илью Толстого, который повез его на квартиру своего приятеля главно-

командующего князя Барятинского (Александр Иванович Барятинский – М.Ф.); Льву Николаевичу представился случай познакомиться с Барятинским; последний похвалил Толстого за смелость и бодрость, проявленные им однажды в стычке, и посоветовал поскорее подать прошение о поступлении на службу, так как Лев Николаевич был все еще частным лицом и участвовал в сражениях добровольно. Лестный отзыв главнокомандующего и разумные советы родственника побудили наконец Толстого ускорить осуществление своего намерения, и он подал прошение о принятии его на службу; в октябре вместе с братом Николаем он отправился в Тбилиси».

Из письма Николая Николаевича Толстого выясняется, что, проезжая по Военно-Грузинской дороге, Лев Николаевич увидел монастырь на горе Квенамта и поднялся со станции Казбек «на монастырь», пройдя по крутому склону длиной почти в два километра с грузинами, сопровождавшими их в пути. Монастырь Цминда Самеба (Святой Троицы),

▼ **Военно-Грузинская дорога и монастырь Цминда Самеба**

▲ **Лев Толстой на Кавказе**

куда поднялся молодой Толстой, представляет собою замечательное архитектурное сооружение. С этим монастырем связано много легенд. К нему относится и следующее место из лермонтовского «Демона»:

И скоро меж снегов Казбека
Поднялся одинокий храм,
И кости злого человека
Вновь успокоились там.

Здесь же нашла упокоение героиня «Демона» Тамара... (Эпизод приводится в книге Г. Талиашвили «Толстой и Грузия». Тбилиси, 1951, с. 6.).

Пребывание на Кавказе Лев Николаевич всегда считал «одним из лучших периодов в жизни, несмотря на все уклонения от смутно сознаваемого идеала». Учтем, что «уклонения» от идеала сопутствуют самосознанию писателя всю жизнь. Полностью он собой не был доволен никогда. Пожалуй, Кавказ – как раз самый гармоничный период в его внутреннем состоянии.

ТБИЛИСИ: РОЖДЕНИЕ МАСТЕРА

«Мы действительно уехали 25-го, и после 7-дневного путешествия, скучнейшего из-за того, что едва ли не на каждой станции не оказывалось лошадей и приятнейшего из-за красоты местности, по которой проезжали, мы прибыли 1-го числа в Тифлис...», – сообщает он любимой тетке Т.Н. Ергольской.

Лев Толстой поселился в районе, который позже был назван Воронцовским. Старые тбилисцы называют его так и донныне, почти не связывая с именем наместника М.С. Воронцова, чей памятник на центральной площади района дал ему имя. Памятник давно снесен, а название района стало настоящим тбилисским звуко сочетанием. Это часть города со своими особыми традициями. Вообще в Тбилиси каждый район имел не только свой стиль, но даже систему отношений. Трудно определить словами, какой отпечаток накладывает жизнь в тбилисских районах, но коренные жители сразу же определяют, в каком районе вырос собеседник. Район Воронцова в последние десятилетия обветшал, как многие старые уголки Тбилиси, но ныне он восстанавливается, обретает новый облик. «Воронцов» всегда был многонациональным по составу жителей, его населяли грузины, немцы, поляки, армяне... Эта часть Тбилиси дала многих выдающихся деятелей культуры, но, наверное, самым вели-

ким, хотя и временным жителем района, стал Лев Николаевич Толстой.

Иван Ениколопов пишет: «Можно считать установленным местожительство Толстого в Тбилиси: это – дом, который ныне обозначен № 52 по Плехановскому проспекту, на что указывает известная писательница Нино Накашидзе, бывшая в Ясной Поляне и слышавшая об этом от толстовца К.А. Дитерихса». Как нам известно, до сих пор все же продолжают спорить, в каком доме жил будущий великий писатель, поэтому мемориальная доска на пр. Д. Агмашенебели несколько условна.

Описываемая часть города, точнее, эта часть «Воронцова», которая тогда была фактически окраиной, называлась «немецкой колонией». Александердорф был образован из 500 вюртенбергских семейств, прибывших в Грузию в 1819 г. Колонисты занимались виноградарством и садоводством. Поселение тянулось вдоль нынешнего проспекта Давида Агмашенебели (Давида Строителя) по направлению к Дидубе. Старые горожане продолжают называть его Плехановским, также почти не совмещая с именем русского революционного теоретика, оно звучит тбилисским названием, вряд ли слово «Плеханов» где-либо произносилось чаще. Сейчас бывшая «немецкая колония» оказалась в центре города. Тогдашний официальный Тбилиси с недавно возведенным дворцом наместника располагался по другую сторону Куры, в ту пору районы отличались еще более четко, и разница в ценах на квартиры была очевидной, хотя стоило перейти через мост, подняться вверх от реки, и пешеход оказывался на Головинском проспекте – главной улице столицы (ныне проспект Руставели).

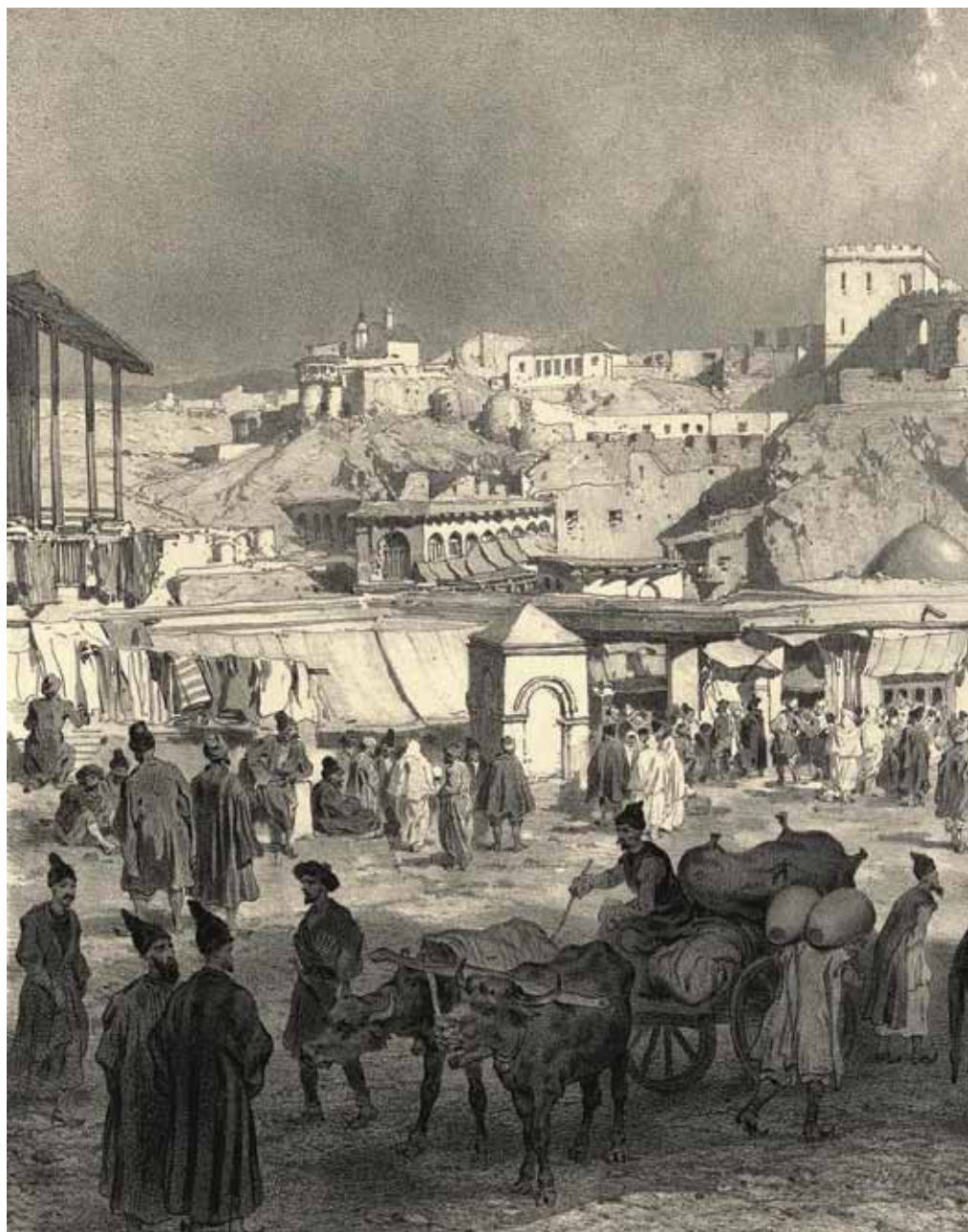
Самое подробное, можно ска-

▲ Г.Гагарин. Танец на крыше

зять, программное, письмо о жизни в Тбилиси адресовано любимой тетке Татьяне Александровне Ергольской (1792-1874), заменившей маленькому Толстому мать, воспитательнице, о которой он сказал: «она научила меня духовному наслаждению любви»: «Совершенно неожиданно я встретил в Тифлисе петербургского знакомого – князя Багратиона, который для меня находка. Он умный и образованный человек. Тифлис – цивилизованный город, подражающий Петербургу, иногда с успехом, общество избранное и большое, есть русский театр и итальянская опера, которыми я пользуюсь, насколько мне позволяют мои скудные средства. Живу я в немецкой колонии – в предместье; оно мне вдвойне приятно тем, что это красивая местность, окруженная садами и виноградниками, и чувствуешь себя скорее в деревне, чем в городе (погода еще прекрасная и теплая, и до сих

пор не было ни мороза, ни снега); второе преимущество это то, что я плачу за две довольно чистые комнаты 5 р. сер. в месяц, тогда как в городе подобная квартира стоила бы не менее 40 р. сер. в месяц. Сверх того я имею даром практику в немецком языке. У меня есть книги, занятия и досуг, никто мне не мешает, так что в общем я не скучаю. Помните, добрая тетенька, что вы когда-то посоветовали мне писать романы; так вот я послушался вашего совета – мои занятия, о которых я вам говорю, – литературные. Не знаю, появится ли когда на свет то, что я пишу, но меня забавляет эта работа, да к тому же я так давно и упорно ею занят, что бросать не хочу. Вот вам точный ответ о моих занятиях, что же касается моих дальнейших планов, то ежели я не поступлю на военную службу, я постараюсь устроиться на гражданской, но здесь, не в России, «чтобы не говорили, что я баклуши

▲ Г.Гагарин. Мейдан

▲ Дом, где жил в 1851 году Л.Толстой в Тбилиси

бью». Во всяком случае я никогда не буду раскаиваться, что приехал на Кавказ – эта внезапно пришедшая в голову фантазия принесет мне пользу» (12.XI.1851 г.) (59, 119. В цитировании писем обозначается том и страница Юбилейного Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого в 90 томах).

Уже тогда молодой граф относился к себе с повышенной требовательностью и считал, что может делать значительно больше, чем делает в данный момент. Он признавался, что проводит дни «хотя и скучно, но спокойно и полезно» (46, 93). Его занятия разнообразны, но главным делом, хотя он говорит о том, что литературные занятия его «забавляют», стала именно работа над биографической повестью, части задуманной тетралогии.

Называя Тбилиси «цивилизован-

ным городом, очень подражающим Петербургу», Толстой точно определил его состояние в ту пору. Возрождавшаяся после многовековых нашествий жизнь города – культурного центра тогдашнего Закавказья. Тбилиси, прежде ограниченный крепостными стенами, раздвинулся, возводились новые дома, площади и целые улицы. В Старом городе сохранялся восточный колорит, в особенности в районе Майдана и серных бань. Там на крышах домов и лавок нередко можно было видеть танцы под звуки зурны; в лавках и мастерских изготавливались самые разные изделия и яства, все это тут же продавалось; в особых бурдюках специально занятые этим носильщики – тулухчи – развозили воду; отовсюду шли товары, направляемые в караван-сарай. Нередко на центральном Головинском проспекте появлялась вереница верблюдов, нагруженных тяжелыми вьюками. Из-за интенсивной застройки приходилось вырубать вековые сады и уничтожать уголки первозданной природы, еще встречавшиеся в городе. Молодой граф прибыл в Тбилиси в период, когда в городе возводились новые европейские здания, создавались учебные заведения и театры.

Постоянно действующий русский театр был открыт в Тбилиси 20 сентября 1845 года. Первые представления в отремонтированном для него помещении бывшего манежа – это незатейливые фарсы и комедии. В 1851 г. в здании караван-сарая Тамамшева начала работу первая грузинская труппа.

В ноябре 1851 года, как раз при Толстом, была открыта Итальянская опера в только что построенном здании, расположенном на бывшей Эриванской площади (ныне площадь Свободы). Театр этот и своим мас-

штабом, и роскошной отделкой привел в восторг горожан.

Газета «Закавказский вестник» писала: «Внутренность театра во всех частях украшена самым изящным и роскошным образом в арабском вкусе, по идее, рисункам и под непосредственными указаниями князя Гагарина — этого истинно замечательного художника...» (А. Уманец. «Закавказский вестник». 1851, № 28).

А в «Кавказе» читаем: «Когда вы входите в театр, вас поражает нижний ярус лож, обозначенный широкой и нежной арабеской белой и голубого цвета на бледносиреновом фоне; верхняя галерея вместо балюстрады окаймлена прозрачной белой решеткой самого хитрого узора, где игриво вьется золотая полоса. Нельзя себе ничего представить воздушнее, роскошнее и щеголеватее этой верхней галереи...» («Кавказ». 1851, № 29).

В здании театра намеревались устраивать маскарады, ставить фар-

сы и водевили, но В.А. Соллогуб, возглавлявший тогда дирекцию, решил пригласить итальянскую труппу. Напомним, что Владимир Соллогуб был известным русским писателем, жил в Тбилиси в период пребывания здесь Толстого и немало сделал для развития театрального искусства Грузии. Ему же принадлежит инициатива издания периодического органа «Записки Кавказского отдела Географического общества». Стихотворение В. Соллогуба «Аллаверды», переложенное на музыку, получило широкое распространение на Кавказе. Имеется фотография 1850-х годов, где среди писателей вместе с В.А. Соллогубом сфотографирован и Л.Н. Толстой, который был близок с автором «Тарантаса» на протяжении многих лет.

В состав труппы входило 18 человек. Первой оперой стала «Лючия ди Ламмермур», затем состоялись премьеры «Севильского цирюльника», «Эрнани», «Нормы», «Роберта-Дья-

▼ Караван-сарай Тамамшевых на Эриванской площади

▲ Г.Гагарин. Бал-маскарад в честь открытия театра в Тбилиси

вола», «Риголетто». Успех первого представления превзошел все ожидания. В продолжение нескольких сезонов итальянская опера пользовалась большим спросом. А в 1874 году в театре произошел пожар.

Гордостью Тбилиси была гимназия, которой в свое время много внимания уделял А.С. Грибоедов. Гимназия в прошлом своем составе имела таких выдающихся педагогов, как Иван Картвелишвили, Соломон Додашвили, Авксентий Манассеин, Хачатур Абовян, Фридрих Боденштедт и другие; ее окончили Александр Чавчавадзе, Дмитрий Кипиани, Николоз Бараташвили, Михаил Туманишвили, Леван Меликишвили, а в пору пребывания в Тбилиси Толстого она была представлена и учителем азербайджанского языка, выдающимся поэтом Мирза Шафи, песни которого после

их появления в переводе на немецкий язык и обработке Ф. Боденштедта получили всеобщее признание. Тогда же была открыта и 2-я, так называемая Коммерческая, гимназия.

В этот период начал выходить первый грузинский журнал «Цискари». Его основателем и редактором был известный драматург Георгий Эристави. Вокруг журнала сгруппировались выдающиеся писатели: Л. Ардазиани, Г. Рчеулишвили, М. Туманишвили, А. Орбелиани и другие. Журнал стремился, помимо произведений грузинских авторов, помещать новинки из русской и западноевропейских литератур.

В Тбилиси выходили официальные газеты на русском языке: «Закавказский вестник» под редакцией известного историка Платона Иоселиани и «Кавказ». Действовало отделение

Русского Географического общества, в числе членов которого были известный ориенталист Н. Ханыков, художник Г. Гагарин, азербайджанский писатель Мирза Фатали Ахундов.

Одно из тбилисских знакомств Толстого имело продолжение. О.И. Константинов – первый редактор газеты «Кавказ» – своими изысканиями по истории Кавказа мог оказать огромную услугу Л.Н. Толстому в изучении истории края. Они встретились в Севастополе в 1854 году и вместе взялись за издание еженедельного военного журнала («Солдатский вестник»), поставив целью его общедоступность.

Толстоведа не раз задавали вопрос, познакомился ли Толстой с выдающимися деятелями грузинской культуры в те два с половиной месяца своего пребывания в Тбилиси. И отвечали на него положительно. Ученые предшествующих поколений нередко строили доказательства на предположениях. Мог ли Пушкин, к примеру, познакомиться с Александром Чавчавадзе? Мог, у них были общие приятели. А следовательно, он познакомился. А раз Пушкин познакомился с А. Чавчавадзе, то он скорее всего был знаком и с иными лицами... Или – раз он бывал в доме такого-то, то не мог не познакомиться с таким-то. Но будем осторожны с подобными предположениями-утверждениями, на которых порой строится дальнейшая цепочка доказательств.

Из знакомств Толстого того периода со всей очевидностью можно назвать княгиню Манану Орбелиани. И еще одна фигура, знакомство с которой подтверждается в письмах Толстого: князь Багратиони (Багратион). Толстой не раз упоминает его, но нигде не называет имени, указывая лишь, что он его «знакомец еще с Пе-

тербурга».

Считается, что с наибольшей вероятностью это Георгий Константинович Багратион-Мухранский, который после окончания Тбилисской гимназии завершил образование в Петербургском училище правоведения, затем занимал место чиновника за оберпрокурорским столом в Правительствующем сенате. Личность Георгия Багратиона весьма интересна. В начале 1850-х годов он находился в распоряжении Кавказского наместника в роли «присутствующего в его совете», в котором решались все важнейшие дела края.

Наместник М.С. Воронцов в инструкции своему заместителю, генералу Реаду представил Г.К. Багратиона знатоком своего дела, «которого отличные качества делают для этого (то есть участия в совете) совершенно способным». Г.К. Багратиону было поручено представить в комиссию свои соображения о введении в действие статей законов царя Вахтанга VI, согласовав их с общими русскими законами. В дальнейшем он принимал участие в гражданском управлении края, в подготовке крестьянской и судебной реформ на Кавказе.

Именно Георгий Багратион был тем лицом, который своими связями способствовал Толстому в его хлопотах по службе. Это видно из письма Л.Н. Толстого к Т.А. Ергольской от 28 декабря 1851 г. из Тбилиси: «...Не предвидя конца этому делу и злясь на всех, я отправился к князю Багратиону, которому и изложил свое горе. – Так как он очень хороший человек, он захотел мне помочь и предложил ехать с ним к ген. Вольфу, начальнику главного штаба» (59, 140). Возможно, именно Г.Багратион познакомил его с представителями тбилисского высшего общества.

Дружеские отношения отца Георгия, Константина Ивановича Багратиона, с Александром Чавчавадзе, установившиеся на поле брани и продолжавшиеся в дворянском депутатском собрании, где Константин Иванович был предводителем дворянства, открывали Г.К. Багратиону двери в дом Чавчавадзе, в котором после смерти хозяина традиции гостеприимства продолжала его семья во главе с Ниной Грибоедовой. Предполагается, что здесь Толстой и познакомился с Мананой Орбелиани, родственницей Чавчавадзе и другом семьи. Ее литературный салон пользовался в то время большой известностью. В этом салоне читались лучшие произведения грузинских поэтов, здесь знакомилась с русской и западноевропейской литературой, здесь же возникла идея создания первого грузинского журнала, которая осуществилась лишь в результате хлопот книжницы Мананы перед наместником Воронцовым.

Манана Орбелиани под своим именем появляется в «Хаджи-Мурате» и подробно описана в сцене приема у наместника. В повести прозвучали личные наблюдения писателя и знание им жизни Тбилиси, его общества и высшего чиновничества, а также кругов, стоящих близко ко двору наместника Воронцова. Доктор Андреевский – реальное лицо – также назван своим именем.

И. Ениколопов считает, что «в доме Чавчавадзе Толстой мог встретить Георгия Эристави, Платона Юселиани, Дмитрия Кипиани и других видных представителей грузинского общества». Согласимся, что мог, однако документальных свидетельств этому не найдено.

Но самое главное, среди текущих дел Толстой работал над своим

первым художественным произведением. Повесть перерабатывалась в четырех редакциях, и основная часть была сделана в Тбилиси. «Детство», а вслед за ним «Отрочество» поразили читателя и ведущих критиков не только неожиданной зрелостью молодого автора, но несомненным новаторством, более того, принципиальными открытиями в изучении человеческой личности. Толстой, как известно, с юности вел дневник, в который записывал и события, и факты, но, в первую очередь, движения души, смену ее состояний и настроений. Самоанализ Толстого не имеет равных в истории литературы. На протяжении десятилетий писатель вел дневник и изучал тончайшие изменения в своем настроении. Он считал, что следует фиксировать все свои мысли, даже не связанные с явными событиями, а позволяющие увидеть, прочувствовать, что происходит в глубинах душевного состава личности. В чем механизм такого детального, скрупулезного исследования, остается тайной, но он стал основой для художественных текстов, уже вскоре после дебюта был определен Н.Г. Чернышевским, как выражение «диалектики души».

Безусловно, и до Толстого на протяжении тысячелетий человечество в своей художественной мысли разными способами пыталось постичь непостижимое – что происходит в человеке, даже когда он молчит. Но Толстой предложил новый метод – постигать мельчайшие переливы настроения, зарождение мысли и чувства, толчок к этой мысли, результат моментального или постепенного сдвига в сознании. Некоторые ученые объясняют обращение Толстого к художественному творчеству его повышенным желанием постичь себя. Бретт Кук в статье «Самосознание в

раннем творчестве Толстого» пишет: «...Толстой настаивает на том, что у человека каждый день масса мыслей и впечатлений, гораздо больше, чем возможно записать. В одном варианте «Истории вчерашнего дня» Толстой написал: «Рассказать половину того, что переживаешь в минуту, не достанет времени во всю жизнь». Вообще это новое понятие. И Толстой этого немного страшится» (Б. Кук. Материалы международной научной конференции «Л.Н. Толстой в 1850-е годы: рождение художника». Ясная Поляна, 2003, с. 22). Страшится своего метода, возможно, почти каждый художник. Очевидно одно: толстовское постижение движений человеческой души и сознания – совершенно новаторское, и проявилось оно уже в «Детстве», а, быть может, в этой повести больше, чем в иных, поскольку она биографична и вскрывает тайны детских душевных переживаний самого автора.

В «Детстве» автор избрал самую сложную и благодатную для изучения душу ребенка. Если у взрослого происходят постоянные перемены душевного состояния, то у растущего организма все процессы особенно обострены и ускорены. Каждое новое впечатление, даже незначительное для любого взрослого, может оказать влияние на формирование личности. С сегодняшних позиций можно отчасти объяснить особую чуткость Николеньки Иртеньева ранней смертью матери – такие дети лишаются своего защитного биополя, которое едино с материнским долгие годы. И само «Детство» написано человеком, в два года оставшимся без матери и, возможно, эта способность могучего Толстого быть чувствительным до предела, «без кожи» ощущать чужую боль, во многом объяснима тем, что

▲ Манана Орбелиани

он рос и формировался как осиротевший ребенок, рано потерявший и отца. И этот ребенок жив в нем до конца. Психологи считают, что формирование целой области науки – психологии ребенка – начинается с толстовского «Детства». До него никто буквально по дням не описывал переживаний маленького человека, его личностных изменений под грузом каждого случая и впечатления.

После публикации в «Современнике» повесть стала не просто результатом «полезного» занятия, как определил его автор, а необходимой всему человечеству. Произошло рождение писателя, который доньше определяет многие системы координат мирового художественного мышления.

Повесть была завершена 2 июля 1852 года и на следующий же день автор отправил ее в Некрасовский «Современник» с письмом: «Моя

просьба будет стоить вам так мало труда, что я уверен, вы не откажетесь ее исполнить. Просмотрите эту рукопись и, ежели она не годна к напечатанию, возвратите ее мне». Толстой не указал своего имени, а ответ просил направить на имя брата Н.Н. Толстого «для передачи Л. Н.».

Н.А. Некрасов ответил автору: «Я прочел вашу рукопись. Она имеет в себе настолько интереса, что я ее напечатаю. Не зная продолжения, не могу сказать решительно, но мне кажется, что в авторе ее есть талант...».

Дидактический пафос будущего классика проявился в первом же творении, он предваряет текст обращением к читателям, выставляя целых пять требований: «Чтоб быть принятым в число моих избранных читателей, я требую очень немногo: чтобы вы были чувствительны, т. е. могли бы иногда пожалеть от души и даже пролить несколько слез об вспоминаемом лице, которое вы полюбили от сердца, порадоваться на него, и не стыдились бы этого...» Неудивитель-

но, что предисловие не было напечатано в журнале. Редакция, видимо, сочла, что требования к читателю совершенно неизвестного автора более чем удивительны, но Толстой был очень огорчен.

Повесть за подписью «Л. Н.» была напечатана с иным названием уже в сентябрьском номере «Современника» за 1852 год с купюрами и исправлениями редактора. Дебютант переживал подобное решение и писал Некрасову (письмо от 27.

XI. 1852): «Заглавие «Детство» и несколько слов предисловия объясняли мысль сочинения; заглавие же «История моего детства» — противоречит с мыслью сочинения. Кому какое дело до истории моего детства? Последнее изменение в особенности неприятно мне, потому что, как я писал вам в первом моем письме, я хотел, чтоб Детство было первой частью романа, которого следующие должны были быть: Отрочество, Юность и Молодость».

Не оправдалась надежда Льва Николаевича и на получение гонорара за эту повесть: он за нее ничего не получил согласно правилам журнала, по которым «за первое произведение начинающего автора таковой не оплачивается». Отметим попутно, что Л.Толстой серьезно относился к гонорарам, в дальнейшем он оговаривал с Некрасовым размер оплаты и добивался высших ставок. Ведущий научный сотрудник Государственного Музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» Нина Никитина выступила на

конференции, о которой расскажем позже, с докладом об отношении Л.Н. Толстого к деньгам, назвав его «Пятая стихия» Льва Толстого». Она пишет: «Толстой был напрочь не согласен, например, с Тургеневым, утверждавшим, что подлинный художник не способен заниматься материальными вопросами. Нет человека, считал Толстой, который мог бы обойти материальную сторону жизни. И только усиливал давление на Некрасова...» (Н. Никитина. Материалы международной научной конференции «Л.Н. Толстой в 1850-е годы: рождение художника». Ясная Поляна, 2003, с. 122). Можно сказать, что Толстой повысил авторитет литературного труда у издателей, считая, что писательский труд должен быть высокооплачиваемым.

«Детство» сразу же имело необычайный успех. С разных сторон в редакцию поступали похвальные отзывы, все интересовались личностью автора, скрывшего свою фамилию. В числе благоприятно отзывавшихся об этой повести были И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, И.И. Панаев и тогдашняя критика (журналы «Отечественные записки», «Москвитянин», «Пантеон»).

Успех первого произведения predetermined литературную судьбу Толстого. Литературный дебют был дорог писателю и воспоминанием о его радостном душевном состоянии той поры: «Вернутся ли когда-нибудь та свежесть, беззаботность, потребность любви и сила веры, которыми обладаешь в детстве? Какое время может быть лучше того, когда две лучшие добродетели – невинная веселость и беспредельная потребность любви – были единственными побуждениями в жизни?»

Толстой жил в Тбилиси как бы

в двух измерениях – напряженно работал над текстом, несомненно, волнуясь, как каждый дебютант, еще не представлявший масштаба своего дарования. И одновременно значительная часть времени у Льва Николаевича уходила на хлопоты по определению на службу. Мы узнаем о подробностях из письма брату Сергею. Оно настолько ярко представляет переживания молодого графа, что нужно привести его почти полностью: «На днях давно желанный мною приказ о зачислении меня фейерверкером в 4-ую батарею должен состояться, и я буду иметь удовольствие делать фронт и провожать глазами едущих офицеров и генералов. Даже теперь, когда я прогуливаюсь по улицам в своем шармеровском пальто и в складной шляпе, за которую я заплатил здесь 10 рублей, несмотря на всю свою величавость в этой одежде, я так привык к мысли скоро одеть серую шинель, что невольно правая рука хочет схватить за пружины складную шляпу и опустить ее вниз. Впрочем, ежели мое желание исполнится, то я в день же своего определения уезжаю в Старогладковскую, а оттуда тотчас же в поход, где буду ходить и ездить в тулупе или черкеске... Сережа, ты видишь по письму моему, что я в Тифлисе, куда приехал еще 1 ноября, так что немного успел поохотиться с собаками, которых там купил, а присланных собак вовсе не видал... Я знаю твою слабость: ты верно пожелаешь знать, кто здесь были и есть мои знакомые, и в каких я с ними отношениях. Должен тебе сказать, что этот пункт несколько меня здесь не занимает, но спешу удовлетворить тебя... Здесь в Тифлисе у меня 3 человека знакомых. Больше я не приобрел знакомств; во-первых, потому, что не желал, а во-вторых, потому, что

не имел к тому случая, – я почти все время был болен и неделю только, что выхожу. Первый знакомый мой – Багратион, петербургский (товарищ Ферзена)... Второй – кн. Барятинский. Я познакомился с ним в набеге, в котором под его командой участвовал, и потом провел с ним один день в одном укреплении вместе с Ильей Толстым, которого я здесь встретил. Знакомство это, без сомнения, не доставляет мне большого развлечения, потому что ты понимаешь, на какой ноге может быть знаком юнкер с генералом. Третий знакомый мой помощник аптекаря, разжалованный поляк, презабавное создание. Я уверен, что князь Барятинский никогда не воображал,

в каком бы то ни было списке, стоять рядом с помощником аптекаря, но вот же случилось. Николинька здесь на отличной ноге; как начальники, так и офицеры, товарищи, все его любят и уважают. Он пользуется сверх того репутацией храброго офицера. Я его люблю больше, чем когда-либо и когда с ним, то совершенно счастлив, а без него скучно...» (23.XII.1851 г.)

Для получения искомого звания Л.Н. Толстому нужно было сдать экзамен и представить все необходимые документы, но таковых у него с собой не оказалось, и это его весьма беспокоило. Все нужные бумаги были сданы им в свое время в Тульское дворянское депутатское собрание, где он числился на службе и имел первый гражданский чин, но оттуда их долго не выслали, так как необходимо было сначала оформить отставку.

Параллельно шла подготовка к экзаменам. Трудно ответить на вопрос, почему Толстой, который считал любую войну, кроме защиты отечества от нашествия врагов, самым страшным злом, решил стать офицером. Его отношение к Кавказской войне уже тогда было неоднозначным, он дружил со многими горцами, записывал фольклор, отразил свое отношение в первых же произведениях о войне. Тем не менее личное участие в военных действиях, было для него важным и необходимым жизненным опытом. И проявил себя граф Толстой отважным офицером.

Толстой прошел практику, как он назвал, «пушкарской выучки». Прием на службу был связан с многими формальностями, в том числе с «испытанием в науках». Экзамен состоялся 3 января 1852 года при Штабе Кавказской Гренадерской Артиллерийской бригады в урочище Мухровань Тифлисской губернии; в листе записа-

▼ **Б.Диодоров. Иллюстрация к повести «Детство»**

но, что коллежский регистратор Лев Николаевич Толстой, 23 лет, был испытан в знании арифметики, первых четырех правил алгебры, начальных оснований геометрии, российской грамматики с приложением правил ее к сочинениям, истории, географии и языков, причем получил почти по каждому предмету высший балл. Он был определен в качестве юнкера в состав четвертой батареи 20-й артиллерийской бригады.

Сегодня в Мухровани расквартирована бригада внутренних войск Грузии. На ее территории установлен памятник классику, сдававшему здесь свой офицерский экзамен.

Через несколько дней после назначения Толстой покидает Тбилиси и оказывается в гуще военных событий. Он еще раз описывает этот период в письме: «В октябре месяце я с братом поехал в Тифлис для определения на службу. В Тифлисе провел месяц в нерешительности: что делать, и с глупыми тщеславными планами в голове. С ноября месяца я лечился, сидел целых 2 месяца, т.е. до Нового года, дома; это время я провел хотя и скучно, но спокойно и полезно — написал всю первую часть. Генварь я провел частью в дороге, частью в Старогл[адковской]...» (20.III.1852 г. ст. Старогладковская). В станице Толстой не застал брата Николая, который был в экспедиции. Облачившись в военную форму, хотя приказа о принятии его на службу еще не было, он отправился вслед за братом. Эту ситуацию Лев Николаевич подробно разъясняет в письме к Т.А. Ергольской (26.VI.1852 г.).

Лев Толстой приехал в Грузию молодым графом, известным лишь узкому кругу своих знакомых, а покинул Грузию и Кавказ писателем, чьи первые же произведения стали пред-

▲ Памятник Льву Толстому в Мухровани

метом обсуждения, анализа и восхищения читателей и ведущих критиков России. Больше в Грузию Толстой не возвращался. Но был еще долгий кавказский опыт, который выходит за пределы грузинской географии, но значителен для нас как естественное продолжение тбилисских дней, обретение бесценного опыта, создание первых кавказских текстов и формирование отношения к войне. Период после Тбилиси важен для всего дальнейшего интереса Толстого к грузинской проблематике.

«...ВО МНЕ ПРОИЗОШЛА БОЛЬШАЯ НРАВСТВЕННАЯ ПЕРЕМЕНА»

Юнкер Толстой попадает в качестве «уносного» в самый разгар боев в «Главном отряде», действовавшем в районе Большой Чечни.

Один из кавказских рассказов назван «Рубка леса». За этим как будто мирным словосочетанием скрывается одна из военных драм. После Даргинской экспедиции 1845 года стратегия военного командования в корне изменилась. Летом 1845 г. под предводительством князя М.С. Воронцова, прибывшего на Кавказ, чтобы «слоमित мюридизм одним ударом штыка», предпринята была экспедиция в аул Дарго, постоянное местопребывание Шамиля, где имам сильно укрепился. После кровавых боев русское войско добралось до Дарго, селение пылало, дворец имама, подожженный им самим, догорал. 7 июля Дарго был занят. Но отряд попал в ловушку. Заняв главные пути отступления и сосредоточив там большие силы, Шамиль обрушился на отряд, начавший уже отступать. В это страшное отступление через Ичкерийские леса отряд понес огромные потери: были убиты 3 генерала, вышли из строя

186 офицеров и до 4000 солдат были убиты и ранены. После этого шока было решено не производить дальнейших экспедиций и действовать более осторожно. Восторжествовала система, предложенная Ермоловым, она заключалась в охватывании гор кольцом войск и постепенном продвижении в глубь страны. Для этого решили безжалостно вырубать леса, прокладывать просеки и дороги и возводить новые укрепления и поселения, откуда совершались набеги на близлежащие горские аулы. При набегах уничтожались продовольственные запасы жителей, а если удавалось, то разрушались сами аулы. Горцы буквально «выкуривались» из родных мест. Результатом было то, что население, изгоняемое с плодородных равнин, было вынуждено или покориться, или уйти в горы. Шамиль с приближенными мюридами продолжал свою деятельность, но в основном она была направлена на противодействие попытке царских войск продвинуться в глубь владений имама. В такую обстановку и попал Толстой в январе 1852 года.

В «Рубке леса» писатель представил жестокость такой стратегии. А тогда, естественно, новоиспеченный юнкер жаждал проявить себя в бою. Но до середины февраля отряд был занят лишь расчисткой леса по берегам реки Джалки для подготовки наступления большими силами в глубь страны. Лишь 17 февраля 1852 года, оставив под прикрытием лагерь в Тепли, князь Барятинский с восемью батальонами, кавалери-

ей и артиллерией двинулся к аулу Цацыну. В этом сражении 17 и 18 февраля горцы под руководством самого Шамиля оказали сильное, но безуспешное сопротивление двум русским отрядам, которым удалось соединиться и освободить укрепление Куринское.

Толстой признавался, что чудом спасся от смерти в этом бою. Первые «формулярный список» будущего классика был опубликован В.П. Федоровым, об этих двух днях он пишет: «17 февраля 1852 г. Движение отряда к Гельдигену, удачное для них дело в долине Хулхулау, истребление аулов. 18-го – соединение с отрядом полковника Бакланова, жаркое и блистательное дело отряда против неприятеля в Маюртупском лесу; переправа через р. Гашень, атака неприятельской позиции на Мичике, поражение неприятеля, переправа через эту реку, прибытие в Куринское» («Л.Н. Толстой в военной службе». Журнал «Братская помощь», 1910, № 12, с. 43.)

Толстой запомнил эти дни навсегда: «45 лет тому назад был в сражении...», – гласит дневниковая запись (18.II.1897).

С середины лета Лев Николаевич живет в «своей» станице почти будничной жизнью, которую разнообразит охота с любимыми собаками Мильтоном и Булькой. Впечатления этих месяцев подготовили «Казак». Его друг Епишка переключает в повесть. Толстого развлекают беседы с простыми казаками на охоте и дома по вечерам, наблюдения за бытом свободных людей, не из-

ведавших крепостного права. Как будто ничего не напоминает о боях, кроме гарцующих верхом казаков: налаженный быт, вечерами возвращается «скотина», «сытые коровы и буйволыцы разбредаются по улицам, и казачки в цветных бешметах снуют между ними. Слышен их резкий говор; веселый смех и визги, перебиваемые ревом скотины» («Казак», глава V). С охоты привозят добычу – оленей, кабанов, фазанов.

Весной 1852 года Лев Николаевич получает отпуск и едет на Кавказские Минеральные воды, с тем чтоб «пить воду и лечиться от преследующего ревматизма», потом оказывается в Пятигорске и поселяется в маленьком домике с садиком. 15 и 16 мая Толстой записывает в дневнике: «В Пятигорске музыка, гуляющие, и все эти, бывало, бессмысленно привлекательные предметы не произвели никакого впечатления. Одно юнкерство, одежда и делание фрунта в продолжении получаса нелепо – беспокоило меня. Не надо забывать, что главная цель моего приезда сюда – лечение; поэтому завтра посылаю за доктором и нанимаю квартиру, один, на слободке» (46, 116).

Почти идиллическая передышка в войне. Постоянные литературные занятия. И уже тоска по родным местам.

В августе он снова в «своей» станице Старогладковской, где задумывает «Роман русского помещика» и продолжает уже начатые «Кавказские очерки» – материал для будущих кавказских повестей

и рассказов. В декабре Толстой завершает рассказ «Набег» и сразу же отсылает его в «Современник». Произведения с Кавказа, в которых хотя бы формально описывались военные действия, проходили двойную, а то и тройную цензуру. В этом же рассказе осуждены жесточайшие формы борьбы с Шамилем и мюридизмом, а фактически с кавказскими народами. Неудивительно, что, по словам писателя, обращенным в письме к брату Сергею, рассказ этот «так и пропал от цензуры. Все, что было хорошего, все выкинуто или изуродовано» (май 1853). Но и в искореженном виде он произвел сильнейшее впечатление, такого описания войны — ее варварства, обращенного к простым людям, литература не знала.

Трудно представить, чтобы война состояла из охоты и литературных занятий. И в январе 1853 года батарею, в которой служил Лев Николаевич, направили в поход против Шамиля. Отряд, включавший батарею, собрался в крепости Грозной (где, судя по записям писателя, кутежи и картежная игра продолжались) и стоял там до тех пор, пока в начале февраля не выступил с целью взятия укрепленной позиции Шамиля на реке Мичик. Начавшаяся 17 февраля битва с участием артиллерии закончилась разрушением укрепления имама. Вскоре экспедиция была завершена, и 27 марта Л.Н. Толстой вернулся в станицу.

Любое однообразие, по видимому, надоедало деятельному Толстому. Его биографы пишут об

увлечении красавицей-казачкой, не ответившей офицеру взаимностью. Возможно, Толстой переживал неудавшийся роман, так что даже ни разу не написал об этой ситуации, но письма того периода грустны. Лев Николаевич отвлекается охотой, ставшей настоящей страстью. Сопровождал его неразлучный казак Епишка. Они, несмотря на реальную опасность, нередко увлекались и удалялись от станицы, бродили по логовищам, а не раз, когда засада абреков обнаруживалась часовыми, и партия казаков неслась вскачь, Толстой присоединялся к казакам. Одна из таких стычек запечатлена им:

«Чеченцы — их было девять человек, — сидели рядом, колено с коленом, и не стреляли. Все было тихо. Вдруг со стороны чеченцев раздались странные звуки заунывной песни, похожей на ай-да-ла-лай дяди Ерощки. Чеченцы знали, что им не уйти, и, чтобы избавиться от искушения бежать, они связались ремнями, колено с коленом, приготовили ружья и запели предсмертную песню». После отчаянного сопротивления чеченцы были перебиты; насмерть был ранен краса и гордость станицы, удалой джигит казак Лукашка («Казачки», глава XVI).

Постепенно в душе Толстого происходят необратимые перемены — он начинает ощущать отвращение к войне. Именно на Кавказе Толстой мучительно задумался над тем, почему возникает смертельная вражда незнакомых людей, почему люди уничтожают себе подобных и в число этих «подобных» входят все, независимо от национальной принадлежности,

▲ Литография Е.Чичери. Отряд черкесов спускается с гор

убеждений и рангов? И как раз в первую очередь простые солдаты, не по своей воле брошенные в смертельный водоворот. Набирает обороты великая толстовская сила сопротивления убийству. И Толстой начинает сперва переписку, а потом все более решительные действия по увольнению. Эта переписка известна по многим источникам, ее начали публиковать в журнале «Русская старина» еще при жизни писателя, в 1900 году.

Брату Сергею Николаевичу он пишет: «Я подал в отставку, и на днях, т.е. месяца через полтора, надеюсь свободным человеком ехать в Пятигорск, а оттуда в Россию».

Однако отставка во время войны была весьма трудным делом, и до ее получения Толстой вновь оказался со своим отрядом в районе крепости Грозной и едва не попал в плен к чеченцам. Этот случай описан

В. Полторацким в «Воспоминаниях». «13 июня 1853 г. я с 5-й и 6-й ротой Кубинского и одной ротой линейного батальона при двух орудиях отправился в сквозную оказию до Грозной... Кто из нас, обреченный на лихом коне двигаться шаг за шагом, в оказии с пехотной частью, не уезжал вперед? Это такой соблазн, что молодой и старый, вопреки строгому запрещению и преследованию начальством, частенько ему поддавался. И наши пять молодцов поступили так же», хотя в районах, находившихся вблизи военных действий, любое передвижение должно было осуществляться под военным прикрытием, и оказии порой приходилось ждать довольно долго.

Далее В. Полторацкий пишет: «Отъехав от колонны на сотню шагов, они условились между собою, чтобы двое из них для освещения местности ехали бы по верхнему уступу, а

▲ Князь А.И. Барятинский

детальные нижнюю дорогой. Только что поднялись Толстой и Сада на гребень, как увидели от Хан-Кальского леса несущуюся прямо на них толпу конных чеченцев. Не успев, по расчету времени, безнаказанно спуститься обратно, гр. Толстой сверху закричал товарищам о появлении неприятеля, а сам с Садою бросился в карьер, по гребню уступа, к крепости. Остальные внизу, не сразу поверив известию и, конечно, не имея возможности самим увидеть горцев, несколько минут провели в бездействии, а когда уже чеченцы (из которых человек семь отделилось в погоню за Толстым и Садою) показались на уступе и ринулись вниз, то Розен, повернув

лошадь, помчался назад к колонне и счастливо достиг ее. За ним бросился и Щербачев, но казенная лошадь его скакала плохо, и чеченцы, нагнав его, ранили и выбили из седла, после чего он пешком добрался до колонны[...] Все описанное произошло в течение нескольких минут, давших, однако, возможность нам оказать первую помощь раненым, грозненской кавалерии выскочить по тревоге из Грозной». «Прискакавшие к нам Пистолькорси несколько кунаков его, мирных чеченцев грозненских аулов... сообщили нам, что гр. Лев Толстой с татарином Садою, хотя и были очень ретиво преследуемы семью чеченцами, но, благодаря быстроте коней своих, оставив им в трофей одну седельную подушку, сами целы и невредимы достигли ворот крепости» (В.А. Полторацкий. «Воспоминания». «Исторический вестник», 1893, VI, с. 672 - 675). Этот случай стал основой сюжета для «Кавказского пленника», созданного в 1872 году.

С конца сентября Толстой вновь в Старогладковской, и в этот период он интенсивно работает: пишет «Отрочество» и завершает рассказ «Записки маркера». Восхищаясь самобытной жизнью казаков, охотясь, воюя, описывая военных, Толстой параллельно разрабатывает свои темы, хотя, несомненно, реальная жизнь накладывает отпечаток и на тексты, не связанные с Кавказом. «Часто ему серьезно приходила мысль бросить все, приписаться к казакам, купить избу, скотину, жениться на казачке, жить с дядей Ерощкой и ходить с ним на охоту и на рыбную ловлю, а с казаками в похо-

ды... но какой-то голос говорил ему, чтобы он подождал и не решался» (П. Бирюков. Из биографии Л.Н. Толстого).

В ту пору Толстой много внимания уделял сбору северокавказского устного народного творчества, публикации чеченского фольклора.

В 1852 году он записал две чеченские народные песни – со слов своих друзей-чеченцев Садо Мисирбиева и Балты Исаева. Эти и другие записи он впоследствии использовал в своих произведениях. Интерес к чеченскому фольклору не угас и после отъезда Толстого с Кавказа. Через многие годы он писал А.А.Фету: «Читал... книги, о которых никто понятия не имеет, но которыми я упивался. Это сборник сведений о кавказских горах, изданный в Тифлисе. Там предания и поэзия горцев, и сокровища поэтические необычайные... Нет, нет и перечитываю...». Две чеченские песни из этого сборника – «Высохнет земля на могиле моей» и «Ты, горячая пуля, смерть носишь с собой» вошли в «Хаджи-Мурат».

И хотя поэтичность края глубоко трогает Толстого, Кавказ окончатель-

но теряет в его текстах романтические очертания. Толстой познал его весьма подробно и в разных ракурсах, да и само дарование писателя требует постоянного реалистического, все более безжалостного анализа и ответа на вопрос, в чем механизм войны. Поэтизация военной, офицерской жизни, свойственная его предшественникам, трансформируется в иное понимание мира: лишь исконные человеческие интересы, смерть, жизнь, любовь первостепенны, честолюбие же, стремление к власти и чинам в любом проявлении противоестественно. Каждый стон раненого терзает его.

Одно из первых философских размышлений о бессмысленности войны прозвучало в «Набеге»: «Неужели тесно жить людям на этом прекрасном свете, под этим неизмеримым звездным небом? Неужели может среди этой обаятельной природы удержаться в душе человека чувство злобы, мщения или страсти истребления себе подобных?» («Набег», глава VI). Это зерна особого отношения к жизни и смерти, войне и миру, не пацифизм даже, это – Толстой с его постоянно развивающимися концепция-

▼ Шашка Льва Толстого, подарок Садо Мисирбиева

Три произведения, известные как «Севастопольские рассказы», стали открытием в области батальной литературы. И зародился такой подход в кавказский период жизни. Толстой впервые во всех деталях воссоздал быт солдат и офицеров, их судьбы на войне в своей авторской концепции, поразившей весь читающий мир. Войны по Толстому – это не череда побед и поражений, важнейших боев и фигур военачальников. Война – это ратный труд, это будни, неестественные и бесчеловечные, но в которых человек пытается по-своему прожить часть отведенной ему жизни, ощущая, что каждый день может быть последним. Человек, оторванный от родных, а при крепостном состоянии «забранный в солдаты» фактически до конца своих дней, пытается наладить какой-то нехитрый уклад и на войне. Каждый проявляет свои исконные качества. Скупец остается скупцом, добряк добряком, философ философом, поэт поэтом, трус трусом, разве что эти качества усугубляются экстремальными обстоятельствами. И подвиг в подобном контексте перестает быть особым явлением, утрачивает принятый в предшествующей литературе пафос, а становится итогом жизни, ожидаемым случаем.

На Кавказ Льву Николаевичу более не суждено было вернуться, хотя он не раз желал этого. Через полтора года он запишет в дневнике: «Я начинаю любить Кавказ, хотя посмертной, но сильной любовью». Мысль столь многозначна, что донныне требует расшифровки.

СОЗДАНИЕ «ХАДЖИ-МУРАТА»

Внутренней связи с Грузией – страной его писательского рождения – Толстой никогда не прерывал. Его широкая переписка с грузинскими друзьями и даже лично незнакомыми людьми говорит о его настоящей любви и пристальном интересе к этой стране. Почти через полвека после своего отъезда из Грузии Толстой задумал повесть, которая основана на кавказском материале, и в которой Грузия занимает ведущее место. Повести было суждено стать одним из шедевров мировой прозы. Это «Хаджи-Мурат» (1896-1904, опубликована в 1912). Она столь актуальна в XXI столетии, когда на Кавказе вновь возникли очаги военных действий, что стала одной ведущих тем на конференции «Война или мир?» в Тбилиси в 2011 году.

Между толстовской Грузией, толстовским Кавказом и работой над «Хаджи-Муратом» – «Война и мир» и ее концепция праведности войны с нашествием врага, великая панорама патриотического единства русского народа в битве с оккупантами, светлый образ любимых героев, размышления о личности в истории, изображение полководцев, близких к народу, то есть необходимых истории, и завоевателя мира – маленького человека с огромным честолюбием, считающего народ своим пушечным мясом, а потому неестественного и ничтожного.

Между толстовской Грузией, толстовским Кавказом и работой над

«Хаджи-Муратом» – постоянные искания гения, великие романы и повести, все этапы эволюции, школа для крестьянских детей, реформы в Ясной Поляне, теория непротивления злу насилеи, приход к мысли, что представители правящих классов и аристократия живут лживой жалкой жизнью, что только хлебопашец создает и носит в себе истинные ценности. В процессе работы над повестью создано «Воскресенье», ведутся яростные споры с институтом церкви, борьба с судебной машиной и смертной казнью, уже действуют тысячи последователей – «толстовцев». Получено мировое признание...

За последнюю свою повесть берется старый человек, признанный Учителем не только в России, но во всем читающем мире. Сколь же глубоко засела в Толстом его жизнь на Кавказе, если та давняя война продолжала его мучить и требовала нового осмысления...

Поражает и свежесть воспоминаний Толстого, и яркость его восприятия мира. Толстой вернулся к кавказской тематике через полвека после своего отъезда, по-видимому, впечатления были столь сильны, что требовали завершающего художественного полотна со всем жизненным опытом. Давно уже была создана «Война и мир», Толстой почти не возвращался к военной теме, но проблема несправедливой войны, войны вообще как уничтожения людьми себе подобных была одной из ведущих тем, мучивших творца. И воплотилась она в «Хаджи-Мурате», который фактически соединил всю ведущую толстовскую философскую проблематику. Толстой создал произведение, написанное с позиции общечеловеческих ценностей, а не с точки зрения политических задач соб-

ственной страны.

Интерес к Кавказской войне в начале XX столетия поутих, хотя описание ее подолжалось. Можно предположить, что кавказская военная тематика описана в нескольких ракурсах. Это декабристская художественная проза и поэзия, произведения А. Бестужева (Марлинского), положившего начало целому направлению «марлинизма». Это, естественно, огромный массив официальных материалов – военной переписки, приказов, распоряжений, актов, описаний, воспоминаний. Это введенный нами для русскоязычного читателя целый ряд описания войны ссыльными поляками, разжалованными в солдаты – вынужденными участниками Кавказской войны, ненавидевшими ее. Данные материалы еще требуют изучения. И, наконец, это «Хаджи-Мурат», который не имеет себе равных и занимает в этом море литературы особое место, возвышаясь вершиной среди горных кряжей, став художественно-философским осмыслением не только Кавказской, но любой войны, несравненное проникновение художника в менталитет иного народа.

Впервые имя чеченского имама прозвучало у Льва Николаевича в письме к брату Сергею из Тбилиси – пребывание Льва Николаевича в столице Грузии совпало с пребыванием в ней Хаджи-Мурата: «...Ежели хочешь шегольнуть известиями с Кавказа, то можешь рассказывать, что второе лицо после Шамиля, некто Хаджи Мурат, на днях передался русскому правительству. Это был первый лихач (джигит) и молодец во всей Чечне, а сделал подлость...». Как видим, поступок имама Толстой оценивает однозначно, но интересно, что уже тогда у него нет ни тени радо-

сти от того, что враг сдался и что для военной кампании, в которой автор письма собирается участвовать, это может иметь положительные последствия. Предательство своих – это подлость однозначная. Как известно, в самом произведении отношение к поступку героя неоднозначно, да Толстой и не верит в искренность перехода Хаджи-Мурата к русским.

Среди набов Шамиля первое место по отваге и военному таланту, бесспорно, принадлежало Хаджи-Мурату, имя его 12 лет гремело по всему Кавказу. Сначала он служил русскому правительству, и ему даже был присвоен офицерский чин. После смерти Гамзат-бека, убитого родственниками Хаджи-Мурата, управлял Аварией до назначения на это место Ахмед-хана Мехгулинского, интриги и клевета которого заставили Хаджи-Мурата перейти на сторону Шамиля. В 1843 г. он снова стал правителем той же Аварии, но только уже шамкловской. Славу Хаджи-Мурату создали его дерзкие набеги. Он мог проскакать 100-150 верст за ночь и появиться там, где его не ждали.

Интерес к Хаджи-Мурату возник уже в годы «кавказской жизни» русского классика. Затишье в войне, которое Толстой застал в свое время по прибытии на Кавказ, скоро нарушил именно Хаджи-Мурат своим набегом на Буйнак, где он убил брата шамхала Тарковского – ротмистра Шах-Вали, взял в плен его семью и ушел в Кайтах, пройдя за сутки около 150 верст. По дерзости набег этот превосходил все, до того им совершенное, и тогда же для преследования Хаджи-Мурата были выдвинуты войска всего Прикаспийского отряда. Толстой принялся за изучение края и событий, происходивших на Кавказе. Большую помощь в этом

▲ Хаджи-Мурат. 1851

отношении могли оказать ему его товарищи по батарею – участники кавказских войн, а по переезде в Старый Юрт – Садо, Бата и другие чеченцы, ставшие его кунками. Тогда же он принялся за изучение кумыкского языка и по прошествии короткого времени мог объясняться на нем.

Узнав так много интересного, Толстой не мог не проникнуться уважением к воинской доблести Хаджи-Мурата, имя которого стало популярным особенно после таких его предприятий, как похищение ханши Нох-Бике из Дженгутая (1846 г.) на виду у целого батальона войск или безумно отважного его налета на г.

▲ И.Урманче. Иллюстрация к «Хаджи-Мурату»

Темир-хан-Шуру (1849 г.), где расположены были главные силы царских войск во главе с начальником Прикаспийского отряда.

Скоро случай свел Толстого с Хаджи-Муратом. Переход его на сторону русских (ноябрь 1851 г.) был совершен в районе расположения части, где вскоре пришлось служить Толстому (близ укрепления Воздвиженское). Да и пребывание Толстого в Тбилиси, как известно, совпало с пребыванием там же Хаджи-Мурата, и тут он стал невольным свидетелем отношения тбилисской публики к Хаджи-Мурату, оценившей его появление в театре на итальянской опере как настоящее событие.

В основу своей повести Толстой положил события, свидетелем которых он был или слышал от очевидцев. История наибо запала в память Толстого, но в 1896 году он подошел к ней совсем с неоднозначным чувством. Упоминания о Хаджи-Мурате как о легендарной личности встречаются в статье Толстого «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь» (1861 г.), из которой следует, что еще до ее написания автор поделился со

школьниками сведениями о Хаджи-Мурате. Но только в дневнике от 19 июля 1896 года отчетливо вырисовывается у него этот образ, и вскоре он приступает к написанию повести о нем и вплоть до 1904 года не оставляет эту работу, считая ее все еще незаконченной.

В связи с подготовкой нового произведения расширяются и оживляются связи Льва Николаевича с грузинскими писателями и учеными. В поисках исторических материалов он обращается к своему большому почитателю, грузинскому общественному деятелю и писателю Илье Накашидзе (1866-1923), а позже к С.Н. Шульгину, И.И. Корганову и другим. Начальник Военно-исторического отдела генерал В.А. Потто, знаток кавказских войн, предоставив Толстому важные сведения, поручает дальнейшую работу своему сослуживцу полковнику Симону Эсадзе (1868-1927), известному военному историку Кавказа. С.С. Эсадзе переслал Толстому обстоятельную записку М.Т. Лорис-Меликова «Из рассказов и показаний Хаджи-Мурата», которая почти полностью вошла в повествование. Все корреспонденты русского классика оказали ему неоценимую помощь, а переписка с Ильей Накашидзе далеко вышла за пределы тематики о Хаджи-Мурате и обрела характер семейной дружбы. Лев Николаевич постоянно выражает благодарность своим корреспондентам и с удивительной скромностью спрашивает позволения выслать, к примеру, С. Эсадзе свои сочинения с авторской надписью. Известно, что Толстой подарил своему грузинскому другу книги с автографом.

«Когда я пишу историческое, я люблю быть до мельчайших подробностей верным действительности», —

писал Толстой 25 декабря 1902 года И.И. Корганову, прося его сообщить некоторые сведения о Хаджи-Мурате. При том, что повесть являет собой свободное художественное полотно, Толстой во многом стремится к конкретному историческому материалу, включает в текст сведения о недавнем прошлом. Так, в главе IX, описывая обед у наместника, он упоминает и о Даргинской экспедиции, в летописях Кавказской войны названной «сухарной». Тогда отряд Воронцова понес большие потери, едва спасая от преследовавшего его Шамиля.

С поразительной скрупулезностью и настойчивостью Л.Н. Толстой собирал фактический материал для «Хаджи-Мурата». При том, что Толстого порой обвиняют в абсолютно субъективном отношении к истории, он с почтением относился к историческим фактам даже в сугубо художественном тексте. Создается впечатление, что Толстой вновь жил кавказской жизнью времен войны, уже ставшей историей, он погрузился в поиски фактов, а в первую очередь очевидцев, еще живых свидетелей и участников. И помогли ему в этом грузинские друзья.

Великий писатель не только точен в передаче главных событий. При изображении Хаджи-Мурата от его наблюдательности не ускользают такие штрихи, как его прихрамывание, его одежда, масть лошади, на которой выехал в последний раз Хаджи-Мурат, расположение комнат в квартире уездного начальника в Нухе и другие детали, описанные с присущей ему необыкновенной точностью.

Толстой интересуется также личностью Николая I. Он обращается к историку, великому князю Николаю Михайловичу – автору книг об Александре I и Строганове с просьбой

найти переписку императора с военным министром Чернышевым и наместником Воронцовым. По-видимому, «сотрудничество» с великим князем так и не состоялось, и Толстой по рекомендации И. Накашидзе обращается с тем же запросом к местному преподавателю истории С.Н. Шульгину. На этот раз его интересуют вообще все распоряжения Николая I о способе ведения войны во время наместничества Воронцова.

Естественно, самая суть толстовской позиции прямо противоположна официальной, это его неприятие воплощено в первую очередь в тоне описания высших сановников и командования. Самой сложной является позиция в отношении внутренних побуждений Хаджи-Мурата в его переходе на сторону царских властей. Был ли это тактический ход или отчаянная попытка спасти семью? В официальном сообщении о подробностях убийства Хаджи-Мурата (газ. «Кавказ», 1852, № 26) говорилось о том, что страх за близких, оставшихся у Шамиля, заставил бежать Хаджи-Мурата от русских.

У Толстого образ Мурата настолько многозначен, что ответа на этот вопрос нет, вряд ли Толстой объяснял действия, в частности, бегство этого полного противоречий человека лишь попыткой любой ценой спасти семью и осознанием того, что русские власти играют с ним, не направляя военных на вызволение родных.

Многие военные историки переход Хаджи-Мурата на сторону русских считали неискренним, распрю его с Шамилем – раздутой, оставленное семейство – лишь лазейкой для сношения его с Шамилем через своих лазутчиков. И действительно,

трудно представить, чтобы такая натура, как Хаджи-Мурат, получив от царского правительства в лучшем случае чин поручика или награду, был бы этим удовлетворен. Буйную натуру Хаджи-Мурата это не могло прельстить. Целью его перехода на сторону русских было выяснить на месте наиболее слабые места русской армии и изучить подступы к Тбилиси, а не страх перед Шамилем.

Конец 1851 г., когда Хаджи-Мурат перешел к русским, совпал с ожиданием серьезных событий. Русско-турецкие отношения осложнились. До того послушная Оттоманская Порта заручилась поддержкой Англии и Франции, открыто толкавших ее на войну, которая и разразилась в 1853 г. Народы Кавказа ждали войны Турции с Россией. Это учитывал, конечно, и Шамиль.

Тогда же он поручил своему наибу Магомет-Эмину, действовавшему по его инструкции, поднять черкесские племена против русских, и затихшая было война на Западном Кавказе вновь вспыхнула. Подобная же задача ставилась, очевидно, и перед Хаджи-Муратом. Районом его действия была намечена так называемая «Лезгинская кордонная линия». Этим и объясняется, почему он просил у русских властей разрешения поселиться именно в Нухе. Предположение, что план набега на Тбилиси существовал и был детально разработан Шамилем, показывают дальнейшие его действия. Преждевременный побег Хаджи-Мурата можно объяснить тем обстоятельством, что ему стало известно о решении военного министра Чернышева вызвать его в Россию.

Толстой намекает на неоднозначные намерения Хаджи-Мурата. Один из четырех его приближенных,

Гамзало, не скрывает своей ненависти ко всему русскому. О том, что это тонко затеянная игра, знают и царские власти. Лорис-Меликову «приходила мысль, разделяемая и некоторыми начальствующими лицами, что выход Хаджи-Мурата и его рассказы о вражде с Шамилем был обман, что он вышел только, чтобы высмотреть слабые места русских и, убежав опять в горы, направить силы туда, где русские были слабы...» (гл. XII). Однако Л.Н. Толстой акцентирует личную драму Хаджи-Мурата и несколько раз говорит о настоячивых посяхах героя освободить его семью. Герой Толстого несет в себе тайну. Его действия, возможно, для самого себя непостижимы. Обаяние Хаджи-Мурата и заключается в этой тайне, а ведущая мысль Толстого, пожалуй, направлена на невозможность постичь мир совершенно иного по менталитету, яркого, искореженного жизнью, поставленного в тупик человека.

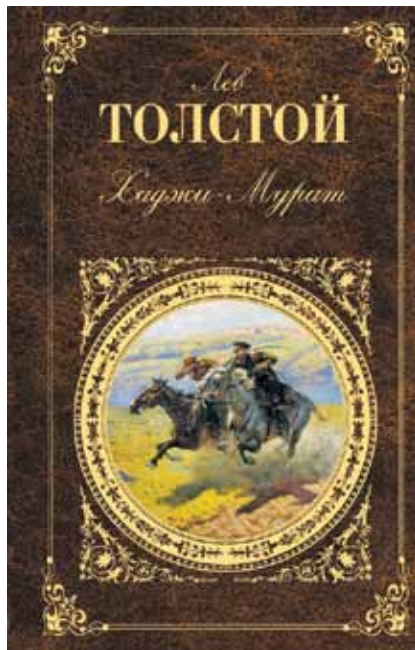
Еще в одной из ранних редакций Толстой объяснял причину перехода Хаджи-Мурата на сторону русских желанием Шамиля, усмотревшего в нем соперника, уничтожить его. Эта версия имеет под собой основания. Известно, что когда генерал Аргутинский предложил Хаджи-Мурату перейти на сторону русских, последний уже выслал было свое имущество к границе, но в самую последнюю минуту был выдан. Ему не оставалось ничего, как ждать для побега другого удобного случая.

Весь процесс работы Толстого над повестью показывает, что ему не просто трудно по-настоящему так или иначе оценить героя, но что он и не стремится к однозначной оценке. По одним записям, он причисляет Хаджи-Мурата к «разбойникам». По-

добную оценку он вкладывает и в уста солдат: «Сколько душ загубил проклятый». Между тем в окончательной редакции повести Толстой не скрывает симпатии к своему герою и всей своей колдовской писательской манерой передает это чувство читателю. Описывая переход Хаджи-Мурата на сторону русских, Толстой отмечает прежде всего улыбку Хаджи-Мурата, которая «поразила Полторацкого своим детским добродушием». Вместо «мрачного, сухого, чуждого человека, – говорит Толстой, – был самый простой человек, улыбающийся такой улыбкой, что он казался давно знакомым приятелем». И Лорис-Меликову Хаджи-Мурат тоже улыбался «особенной детской улыбкой». А улыбка, как известно, была для Толстого особым показателем личностных качеств.

Симпатии автора к Хаджи-Мурату сохраняются до конца, несмотря на убийство им сопровождающих его казаков, об одном из которых автор сообщает как о единственном кормильце большой семьи. И тем не менее «даже у отрубленной головы Хаджи-Мурата, в складке посиневших губ было детское доброе выражение». А устами пьяного Ивана Матвеевича он заявляет: «А все-таки молодчина был. – Дай, я его поцелую». Хаджи-Мурат представляется жертвой в дебрях запутанной, безжалостной войны.

Но это лишь первый пласт текста. Толстой же пишет об ином, не лежащем на поверхности военных интриг. Он подчеркивает именно пропасть между сознанием русских и этого кавказского воина, полное взаимное недоверие и плохо скрываемую ненависть. Невозможность пересечения и взаимного постижения миров, сложность восточного, мусульман-

ского сознания, недоступного даже самым утонченным чиновникам и прожженным военным.

Так страстно захватившая уже немолодого Толстого тема прославления борьбы во имя жизни, была задачей особой сложности. Первой редакцией он остался недоволен и вскоре принялся за основательную переработку. Можно представить, что в нем шла борьба между художником, воспевающим силу жизни, и моралистом, проповедующим непротivление.

Толстой был буквально поглощен повестью в 1897-1898 годах. Из письма жене: «Мысли все и занятия мои направлены на кавказскую повесть, которой мне совестно заниматься, тем более, что она не идет, но от которой не могу отстать». Чуть позже он

пишет: «Нынче уяснил план «Хаджи-Мурата» больше, чем когда-либо», и вскоре: «Вчера думал очень хорошо о Хаджи-Мурате...». После длительного перерыва Толстой вновь принялся за повесть.

Летом 1902 года он пишет брату: «Хочу кончить рассказ о Хаджи-Мурате. Это баловство и глупость, но начато и хочется кончить...» И ему же месяц спустя: «Я теперь занят писанием кавказской истории (Хаджи-Мурат), и это мне стыдно, и я, кажется, брошу». Всюду, где он говорит о «Хаджи-Мурате», ему хочется показать, что он занят им не серьезно, что для него это лишь «блажь и пустяки». Но бросить «Хаджи-Мурата» Толстой уже не может. Наоборот, он работает над ним с еще большей энергией. Обилие записей в его дневнике говорит об этом.

6 мая 1903 года. Толстой пишет дочери Марии Львовне: «Пересматривал «Хаджи-Мурата». Не хочется оставить со всеми промахами, а заниматься им на краю гроба, особенно, когда в голове более подходящие к этому положению мысли – совестно. Буду делать от себя потихоньку». Толстой не расшифровывает своих мыслей. Возможно, текст произведения шел своим мощным потоком и противоречил позиции непротивления, это могло задерживать работу. Но повесть была очень дорога ее создателю. И вплоть до трагического октября 1910 года Толстой держал при себе рукопись повести.

Произведение не было опубликовано при жизни. По-видимому, это объяснимо многим. Под конец работы Толстой включил подробный эпизод с Николаем I. Император в роли персонажа художественного произведения всегда был смелым решением. Но образ сатрапа-само-

дура, старого толстого женолюбца, привыкшего к всеобщей лести и присвоившего себе чужие военные стратегические решения, написан жесткими мазками великого мастера. Толстовская манера в данном случае не оставляет никакой возможности оправдания действий персонажа. Все жестокие и бессмысленные решения государственного масштаба зависят от сиюминутного настроения главы необъятной империи, а настроение зависит от того, удалось ли ему довести до конца вчерашнее любовное приключение с молодой девушкой. На троне в 1904 году царствовал правнук толстовского персонажа, и подобный облик возмутил бы любого, даже самого лояльного потомка. С большими купюрами «Хаджи-Мурат» был опубликован в 1912 году.

С огромной силой Толстой представил столкновение, противостояние и сосуществование нескольких миров, непримиримых и жестоких. Это различные национальные стихии и общественные слои. Мир простых русских солдат, до конца не понимающих, почему судьба закинула их в

▼ **А.Козлов. Подвиг рядового А.Осипова**

дальние края, где они находят свою гибель. Мир офицеров невысокого ранга, на которых пали трудности войны и которые пытаются наладить свой быт в передышке между уничтожением себе подобных. Среди них различные персонажи – написанные с сочувствием к их мелким грехам, смелые и растерянные, примитивные и думающие – обычные люди и офицеры, стремящиеся проникнуть в высший свет. Мир чиновников, генералов и вельмож – лживый, честолюбивый, в котором истинные человеческие ценности подменены лестью, интригами, преклонением перед регалиями и положением в свете – неестественный, страшный, лишь припудренный светским воспитанием. И далее по вертикали – придворные и сам Николай I.

Кавказский мир тоже полон противоречий – интересы Шамиля, интересы простых людей, матерей, теряющих своих детей, совпадают во многом, но порой совершенно различны. И отдельным миром представляется Хаджи-Мурат, в котором в концентрированном виде заключена трагедия поработенных народов. В этом противоборстве миров несколько ведущих тем. Конец жизни – сквозной толстовский мотив. Разумеется, о жизни и смерти размышляет каждый художник, но Толстой и в осмыслении этой древнейшей темы оказался новатором. В рассказе «Три смерти» (1858) через отношение к кончине утверждается идеал простой, естественной жизни человека и природы... Гибнет дерево – его конец натурален, как круговорот в природе, смерть крестьянина-ямщика тоже естественна – завершается его земной путь, он осознает это, дарит свои сапоги и просит поставить камень на могиле. Последние меся-

цы барыни заполнены ложью и нежеланием смириться с неизбежным. Лгут все – муж, врач, она сама себе. Такова толстовская философская позиция – чем дальше от натурального хода вещей, тем менее естественно, а поэтому уродливо.

В «Хаджи-Мурате» гибель изначально неправильна – это насильственная смерть на войне. Последние слова солдата Авдеева, случайно раненного в стычке с неприятелем: «Свечку дай. Помирать буду». И так он «кончился». А в реляции об этой стычке – наглая ложь и желание начальства выслужиться. Даже великое таинство – конец человека – искорежено официозом, теряет свой первоначальный смысл. И все эти узлы пересекающихся интересов не обрамляет и не окружает, а пронизывает и поглощает мир природы. Природы разнородной, описанной с редкостным мастерством и подчиненной авторской мысли: кавказские горные пейзажи, животные как часть мироздания, русская равнина. И репей – жесткий могучий цветок, который сопротивляется смерти и стремится к жизни, его губит или прихоть человека, или плуг, распахивающий поле. Репей цепляется за жизнь даже в изуродованном виде, но его все же уничтожают. Погубить можно все, потому что даже могучее хрупко и смертно.

Страшна гибель Хаджи-Мурата, унесшего перед концом много человеческих жизней. Голову его в наездничество возят по военным частям, и лишь Марья Дмитриевна вскрикнула: «Война! Какая война! Живорезы и все...» Так разные миры пересекаются, люди находят общее, сближаются, порой на момент. Это возможно только среди простых людей,

не утративших связи с природой, с естественным пониманием ценности жизни. В сложнейшем сплетении характеров подспудно звучит голос Толстого, и пафос его однозначен – недопустимо вторгаться силой в чужой мир, завоевание вызывает яростное сопротивление. Никто, пожалуй, кроме русского гения, не проник так глубоко в иное национальное сознание, с уважением, с признанием его непостижимости, никто не заявил с такой силой о бессмысленности Кавказской войны, на десятилетия погрузившей народы в кровавую бойню.

ГРУЗИНСКИЕ СВЯЗИ Л.Н. ТОЛСТОГО

На протяжении всей своей жизни Толстой не забывал Грузию, интересовался происходящими там событиями, принимал у себя в Ясной поляне грузинских гостей, мечтал вновь побывать в Тбилиси. Переписка Л.Н. Толстого с грузинскими деятелями, его выступления и высказывания о Грузии – также важная сторона нашей темы.

Еще в годы своего пребывания на Кавказе, в конце 1853 года, Толстой живо заинтересовался рассказом офицера А. Стасюлевича о происшествии в Тбилиси. В Метехском замке, древнем дворце-крепости, при генереле А.П. Ермолове превращенном

в тюрьму, были заключены солдаты и несколько местных лиц, обвиняемых в ограблении почты. Это событие в подробностях он заносит в свой дневник (от 4 ноября 1853 г.). В записи говорится также об «имеретинах», о которых он отзывается как об «известных верностью своему слову». В то же время его очень интересует Абхазия; в дневнике обозначается ее географическое положение, число жителей и главные ее города. Участвуя в боях на Северном Кавказе, Толстой общался с офицерами-грузинами своей войсковой части – Константином Мамацашвили, Ревазом Эристави (оставившим яркое описание этих боев) и другими.

Особенно интенсивно интерес классика к Грузии проявляется в 1880-е годы и до конца его жизни. В первую очередь это связано со сбором средств для переселившихся на Кавказ, в частности, в Грузию, духоборов. Многие грузинские деятели поддерживали пацифистское движение духоборов, которому власти придали политическое значение. С Толстым по этому вопросу фактически сотрудничали Илья Накашидзе и его сестра Елена. В связи с ее общественной деятельностью за ней даже был установлен полицейский надзор, в 1897 году ей пришлось покинуть Грузию, и она пребывала за границей вплоть до 1905 года. Личное знакомство Ильи Накашидзе и Льва Николаевича состоялось 21 августа 1896 года, когда писатель приехал в Ясную Поляну. Как известно, вскоре после этого Илья Накашидзе включился и в поиски материалов для «Хаджи-Мурата» и оказал серьезную помощь в работе над повестью.

Позже отношения переросли в настоящую дружбу. И. Накашидзе с

▲ Лев Толстой в Ясной Поляне

супругой Ниной Иосифовной гостили в семье Толстых в Ясной Поляне и Москве. Приемная дочь И. Накашидзе Мария так полюбила Толстого, что перевела на грузинский его сказку. Девочке было девять лет. Супруги Накашидзе, особенно Илья, становятся настоящими толстовцами. Со временем они перестают активно участвовать в движении, но почитание Толстого остается навсегда.

Толстой уделял большое внимание проблемам духоборов на Кавказе, особенно после 1895 года, когда они были высланы из России с другими сектантами за свои религиозные убеждения. Духоборы впервые появляются в Закавказье с начала 1830 года; их расселяют в пограничных с Турцией землях. Большинство из них обосновалось примерно в равном количестве в Тифлисской и Елисаветпольской губерниях, откуда часть, после войны с Турцией 1877-1878 гг., переселилась в Карскую область. Эти высокогорные земли были мало при-

годны для земледелия. Несмотря на суровые условия, духоборы, благодаря своему трудолюбию, достигли значительного благосостояния. На своих горных лугах они разводили рогатый скот и лошадей, стали заниматься извозом, учредили сиротский дом и при нем – большое общинное хозяйство.

Численность духоборов росла, по данным 1886 года, достигла двадцати тысяч человек. К тому времени духоборы стали нарушать все строгости своего жизненного уклада. Ситуация изменилась, когда появился новый духовный руководитель, Петр Веригин, задумавший возродить учение посредством «расширения общинного духа и уравнивания имущества между бедными и богатыми». Большинство духоборов примкнуло к реформам Веригина, стало тщательно соблюдать житейские правила и старалось во всем жить сообща, а позже решило отказаться от военной службы и от всякого применения оружия. На пашу, перед самым парадом, 11 солдат-

▲ Духоборы в Грузии

духоборов в г. Елисаветполе заявили офицеру о своем уходе с военной службы. В таком поступке усмотрели влияние П. Веригина, который со своими ближайшими единомышленниками был схвачен полицией и сослан в северные губернии. Летом 1895 года духоборы – сторонники П. Веригина решили собрать все свое оружие и сжечь его на площади в знак отказа от любого убийства. Это решение было исполнено в день апостолов Петра и Павла во всех трех губерниях, где они жили. Тогда правительство получило из Министерства внутренних дел циркуляр о принятии репрессивных мер против «одной из наиболее вредной секты штунды», которой на самом деле не было на Кавказе, но местные власти намеренно приравнивали учение духоборов к учению штунды.

В села были направлены казачьи отряды, мужчин избивали плетью зачастую до смерти, женщин насиловали, грабили имущество. Около четырех тысяч человек были выгнаны из жилищ и рассеяны по горным деревням, а так называемые зачинщики

отправлены в тюрьмы. Известие об уничтожении оружия и о жестокой расправе с духоборами Лев Николаевич получил от сосланного «толстовца» князя Д.А. Хилкова. Об этих же событиях в дальнейшем более подробно информировал Толстого Илья Накашидзе. Не представляя себе возможной столь жестокой расправы над людьми за их религиозные убеждения на пороге XX века, Лев Николаевич попросил своего секретаря П. Бирюкова выяснить на месте все обстоятельства происшедшего и сообщить ему настоящее положение вещей.

Толстой со свойственной ему непримиримостью выступил за облегчение страданий сосланных, среди которых уже распространился тиф и изнурительная лихорадка. Он написал письмо со словами утешения к идейному руководителю движения П. Веригину, пребывавшему в ссылке. Русские газеты не смели писать о действиях правительства, но заграничные газеты, особенно в Англии и Америке, подняли шум. Подробности

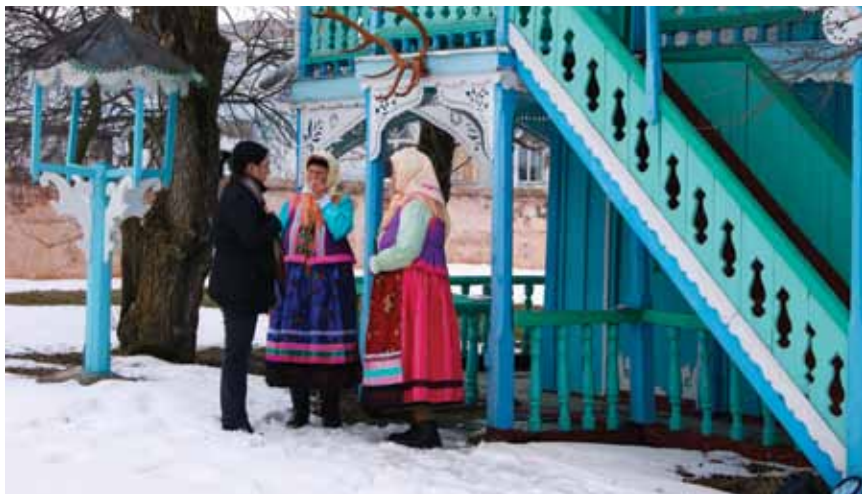
этих событий скоро стали известны всему русскому обществу.

Лев Николаевич в письмах к духоборам выражает сочувствие их непреклонной защите веры, он начинает сбор пожертвований через своих последователей как в России, так и за границей, и скоро находит неожиданную поддержку у английских и американских квакеров, которые собирали не только деньги, но и находили места, куда можно было направить переселенцев. В известном письме к русскому обществу Толстой напоминает о бедственном положении «христиан всемирного братства» (так именовали себя духоборы), и просит всячески помочь им. Не довольствуясь принятыми мерами, он сам, желая материально помочь духоборам, подписывает обязательство с издателем журнала «Нива» А.Ф. Марксом на издание своего романа «Воскресение», что, как известно, осуществилось, и полученные восемнадцать тысяч рублей гонораара Толстой це-

ликом передает духоборам. Осенью 1898 года часть духоборов, живших в Закавказье, переехала в Канаду. Но Лев Николаевич еще не раз помогал им деньгами.

Знаменательно, что среди корреспондентов Толстого было много совсем молодых грузин, можно сказать, из поколения его детей и внуков. Они решались обратиться с важными для них духовными вопросами к всемирно известному писателю, и он вступал с ними в подробную переписку, потечески поддерживал их начинания. Так, к нему обратилась группа грузинских девушек, которые попросили совета, к чему им приложить свои силы. Казалось бы, какое дело признанному классику до девиц, по сути не знающих, чем им заняться. Толстой отвечает им самым подробным письмом и относится совершенно серьезно к их «проблеме». Это письмо совпало с периодом, когда в 1880-е годы Лев Николаевич был охвачен идеей создать и распространить нужную лите-

▼ Духоборы в Гореловке. 2011

ратуру среди народа...

Ответ Толстого «тифлисским девушкам» был помещен в газете «Новое обозрение» 12 марта 1887 года, а затем и в других газетах. В этом ответе, получившем широкий отклик, Лев Николаевич писал: «Вы спрашиваете дела. Кроме общего всем нам дела, у приобретших знания есть еще дело: поделиться этими знаниями, вернуть их назад тому народу, который воспитал нас. И вот такое дело есть у меня...» (полностью текст приводим в Приложении).

В 1901 году к Толстому обратилась группа грузинской молодежи, письмо начиналось словами: «Глубокоуважаемый Лев Николаевич! Ваша любовь к правде и искание справедливости нам хорошо известны. В то время, когда другие молчат, Вы один из немногих говорите то, что нужно. Всякое угнетение, всякое насилие над людьми глубоко противно вашей натуре и вызывает в Вас справедливое негодование – желание раскрыть

глаза угнетателю и помочь облегчить страдания угнетаемым. Все это нам хорошо известно, поэтому и обращаемся мы к Вам, к Вашей помощи, к Вашему содействию...». Письмо носит весьма острый характер, в нем звучит непримиримость к уничтожению грузинского национального духа.

В своих «Мемуарах» известный общественный деятель Георгий Ласхишвили вносит уточнение, сообщая, что автором обращения был Арчил Джорджадзе, отпечатал его Владимир Лордкипанидзе, а Илья Накашидзе переслал Л.Н. Толстому (Г. Ласхишвили. «Мемуары», на груз. языке, Тбилиси, 1934, с. 145.). Лев Николаевич в своем ответе обещал сделать все от него зависящее.

Следует вспомнить также письмо студента Бориса Гегидзе, написавшего книгу о студенческой жизни и отправившего ее Льву Николаевичу

в 1902 году. Л. Толстой подробно записал в дневнике мнение о размышлениях «бедного искреннего юноши» и собирался «напечатать несколько слов по этому поводу» (запись приводим в Приложении).

И последнее письмо, насколько мы знаем, на которое не было ответа, датировано 1909 годом. Это письмо студентов Московского университета с просьбой о поддержке «Тифлисского студенческого землячества при Московском университете (текст приводим в Приложении).

В толстовской «грузинской» тематике есть еще одна неожиданная тема – серьезный интерес русского гения к гурийскому восстанию 1905 года. О нем Толстой узнавал от народника Михаила Кипиани и из писем близкого ему Ильи Накашидзе. Русский классик просил постоянно держать его в курсе, следил за развитием событий. Он дал подробную и положительную оценку восстанию, его не останавливал тот факт, что не только писатель, находившийся в России, но и сами участники событий не могли оценить неоднозначности восстания, всего сложнейшего комплекса причин бунта. Он писал Накашидзе: «Не я один, но много и много людей радуются, готовы, если возможно и нужно, служить им (гурийцам), и все мы уверены, что, начав такое великое дело и так много уже сделав для него, они не оставят его, а будут вести его, все так же показывая пример людям» (переписку также приводим в Приложении).

Многие, в особенности студенты-грузины Московского университета, были лично знакомы с Толстым (Н. Гомартели, А. Диасамидзе, В. Гамбашидзе, Б. Гегидзе), встречались с ним в семье А. Дунаева и бывали в Ясной Поляне. Получая от них известия,

Толстой не раз признавался, что иногда его «влечет Грузия, тянет поехать туда». В Ясной Поляне бывали Павле Акобия (1899 г.), И.П. Накашидзе с супругой Нино и сестрой Еленой (1903 г.), Виктор Церетели (1904 г.), М. Кипиани и другие.

Лев Николаевич вел переписку с С. Комладзе, Н. Меликишвили, Ш. Шаншиашвили и особенно с Малахией Георгиевичем Болквадзе, который издавал в 1910 году в Петербурге журнал «В защиту человека». Отослав экземпляр этого журнала Толстому с просьбой дать о нем отзыв, Болквадзе получил в ответ от писателя его «Жизненный путь» для напечатания в журнале.

▼ Лев Толстой с супругой

Один из самых последних по времени и краткий, но очень значительный отклик на грузинские события – восхищение решением Ольги Чавчавадзе, вдовы «отца» грузинского народа Ильи Чавчавадзе. Как известно, она направила кавказскому генерал-губернатору ходатайство с просьбой о помиловании убийц своего мужа. Лев Толстой, столько сил отдавший борьбе со смертным приговором, отозвался на этот факт. Профессор Заза Абзианидзе в статье «Л.Н. Толстой, грузинские гуманисты и современность» пишет: «Нетрудно заметить сходство гуманистической позиции и аргументов Толстого и княгини Чавчавадзе. Неудивительно, что, узнав об обращении княгини из статьи своего последователя И.И. Горбунова-Посадова в «Русских ведомостях», Толстой пишет ему 2 и 5 января 1909 года: «Получил ваше прекрасное письмо с заявлением суду и вашу статью о Чавчавадзе. Как трогательно! Откуда вы знаете о Чавчавадзе и когда это было? (79,16)» (З.Абзианидзе. Материалы международной научной конференции «Л.Н. Толстой в 1850-е годы: рождение художника». Ясная Поляна, 2003, с. 30).

Таким образом, переписка Льва Толстого с грузинскими корреспондентами была весьма разнообразной, длительной и касалась широкого диапазона тем. Она свидетельствует и об особом интересе писателя к грузинской проблематике и о том, что он был в курсе самых разных сторон жизни той страны, которая в ранней молодости стала местом его дебюта.

ГРУЗИНСКИЕ ДЕЯТЕЛИ О ТОЛСТОМ

Личность Толстого всегда была в центре внимания грузинской общест-венности.

Попытки переводов относятся к концу XIX столетия. В 1887 году был опубликован рассказ «Упустишь огонь – не потушишь». Первые переводчики русского классика – Ст. Ходживанишвили, П. Каландадзе, Илья и Нино Накашидзе. Произведения Толстого печатались по всей Грузии – в Тбилиси, Кутаиси, Озургети, Ахал-Сенаки.

В 1906 году Давид Микеладзе (литературный псевдоним Мевеле) перевел на грузинский язык пьесу «Власть тьмы», находившуюся в то время под запретом, и издал ее в 1908 году в Кутаиси. Отсылая эту пьесу Толстому, Микеладзе затронул и вопрос, обращенный к нему еще в 1901 году грузинской молодежью.

По утверждению секретаря Толстого Н. Гусева, Лев Николаевич поблагодарил Д. Микеладзе за перевод и за присылку книги. «Что же касается до положения Грузии, – писал он, – то Лев Николаевич просил передать, что он последнее время особенно ясно видит зло, происходящее от угнетения большими государствами мелких народностей. Он занят этим и пишет об этом». Этот факт упоминается и в «Воспоминаниях» Ильи Накашидзе (И.Накашидзе. Воспоминания. 1928 г.).

▲ **Якоб Гогешашвили**

О личных связях и корреспондентах уже было сказано, но почти все выдающиеся писатели и деятели культуры, те, кого судьба не свела с Толстым личным знакомством, учились у него и оставили свидетельства своего почтения. Приведем несколько выдержек из статей и высказываний грузинских классиков и общественных деятелей.

Основоположник грузинской научной педагогики Якоб Гогешашвили (1840-1912) пишет:

«Прославленный писатель Лев Толстой создал серию детских рассказов, которые построены на народных пословицах; подобно ему, мы тоже написали на темы грузинских пословиц до двадцати рассказов и включили их в «Деда зна» (учебник «Родной язык», написанный выдающимся грузинским пе-

дагогом и ставший классическим – М.Ф.) (Я. Гогешашвили Замечания о народной поэзии. Избр. произведения. Т.2. 1940, с. 492).

А вот мнение революционера-марксиста Александре Цулукидзе (1876-1905): «... Если понаблюдаешь, то заметишь, что где люди имущественно богаче, там и разврата больше. Такая эпоха наступает сегодня и в России, несомненно, мы тоже не избежим этого пути; это прямое следствие движения вперед, прогресса, просвещения, обогащения. Этот факт подметили и отобразили разные писатели Европы и один известный русский романист – Лев Толстой; Толстой сорвал занавес со сцены и ясно показал народу картину на сцене, показал всю порочность, лицемерие, разврат, лужавство, которые царят под именем супружества, любви и находятся в почете у общества. В этом отношении достоин благодарности выдающийся автор «Крейцеровой сонаты», но, к несчастью, он философски не объяснил причины этого явления и не предложил тоже научно обоснованных средств против него. Если бы позволяло время, я разъяснил бы эту мысль подробнее, но отложу это на будущее...» (А. Цулукидзе. Из письма к Н. Эристави от 2.XI.1897 г. Сочинения. 1945, с. 331).

Удивительное заявление – восхищение «Крейцеровой сонатой», тогда как, к примеру, Акакию Церетели претит именно эта часть морали позднего Толстого. Но это говорит и о разбросе мнений в ту пору. Странно и ожидать от писателя научного обоснования явления, но современники считали, что Толстому доступно все, а марксисты в своем запале даже к классикам выдвигали свои требования...

▲ Грузинские студенты на похоронах Льва Толстого

И. Гомартели (1875-1938), врач, писатель, публицист и общественный деятель, писал:

«Мы не можем не преклоняться перед гигантской мощью Толстого, не можем не признать его великое влияние на мировую общественную мысль. Толстой особенно дорог нам как величайший критик сегодняшнего строя. Его критика с такой силой разоблачает мерзость этого строя, что можно подумать, что это говорит революционер. Вот почему мы поздравляем великого старца с восьмидесятилетним юбилеем и желаем долгой жизни величайшему писателю России...» (1908 г. Приводим по книге А. Николадзе. Русско-грузинские литературные связи. 1958, с. 185).

Смерть Толстого потрясла все слои общества. Самые разные люди горевали и ощущали, что наступил конец эпохи. Сколько бы споров ни велось вокруг его учения, сколько бы ни было возмущенных его критикой всего устройства общества и даже института семьи, все, даже отлучившие его от церкви, осознавали

– Лев Толстой был самым непререкаемым авторитетом в России и во всей Европе. Ушел великий Учитель, и у его неисчислимых почитателей возникло чувство осиротелости. Во избежание «беспорядков» власти приняли надлежащие меры: обсуждался вопрос о снятии с Толстого отлучения от «официальной церкви», в дни болезни классика был подготовлен текст телеграммы Николая II, в которой отдавалось должное его писательской деятельности, и одновременно по Министерству внутренних дел рассылался циркуляр губернаторам, полученный и в Тбилиси за подписью Курлова, гласящий: «Если в случае смерти графа Льва Толстого поступят просьбы о служении панихид, не оказывайте противодействие и предоставьте всецело разрешение этого вопроса местной духовной власти. За устроителями и присутствующими на панихидах благоволите приказать учредить неослабное наблюдение и никоим образом не допускайте выступлений противоправительственного харак-

тера...». Следующий циркуляр был разослан накануне первой годовщины кончины писателя.

Среди многочисленных делегаций, направленных на похороны Толстого, были представители и грузинского землячества, грузины – студенты университетов и Высших женских курсов. Один из них, Владимир Джапаридзе, позже описал эти дни. Его рассказ приводит и И. Ениколопов в книге «Лев Николаевич Толстой в Грузии»: «Весть о смерти Л.Н. Толстого всколыхнула широкую общественность России и все прогрессивное человечество. Все спешили отдать последний долг великому писателю. В самую последнюю минуту предназначенный из Москвы специальный поезд в Ясную Поляну был отменен. Это не обескуражило особенно настойчивых, среди которых была и наша группа студентов – грузин Московского университета – Али Арсенишвили, Лазарь Шургая, Михаил Мебурнутов, Алексей Цагареишвили, я с братом Григорием и студент Петровско-Разумовской академии Никита Бархударов. Вместе с другими студентами нам удалось устроиться в теплушке, прицепленной к поезду, направлявшемуся по Курской дороге в сторону Ясной Поляны. Сойдя на разъезде Засека, куда прибыли ночью, на рассвете заметили шествие – яснополянские крестьяне несли гроб с прахом гениального художника на плечах; мы, студенты, присоединились к кортежу и все расстоянии, около 4-х километров, поочередно несли гроб, сменяя крестьян. Было холодно, кутались. За гробом вместе с нами шли Софья Андреевна и ее дети – Илья, Андрей, Сергей, Татьяна, Александра. Дойдя до усадьбы Толстого, процессия за-

держалась у ворот, откуда медленно двинулась далее. Помню, какое впечатление произвела на меня архитектура двух столбов у этих ворот, напоминающих в миниатюре сторожевые башни. Далее, через чудесный парк с прудом, где часто встречались великаны деревья, гроб установили в первом этаже, в бывшем кабинете Льва Николаевича, где, как говорили, он писал «Войну и мир». Это – самое уединенное и самое отдаленное помещение в доме, когда-то служило кладовой, но желание найти покой от шумной жизни всего дома и сосредоточиться вынудило Льва Николаевича избрать эту комнату под кабинет. Пришедшие проститься с прахом писателя, шли к гробу вереницей, в очередь, и выходили в задний двор. Речей никаких не было нигде, ни при встрече гроба на ст. Засека, ни в дороге, где приходилось останавливаться до-

▼ Акакий Церетели

вольно часто, ни дома, ни над могилой. Кроме яснополянских крестьян и прибывших из Москвы студентов многих учебных заведений, почти никого не было, не считая фоторепортеров, включая и иностранных, поминутно щелкавших затворами своих аппаратов. Только через час или два после нашего прибытия приехали из Москвы А.И. Сумбаташвили-Южин, поэт Валерий Брюсов и вместе с ними кто-то третий. Хоронили Льва Николаевича недалеко от дома, в роще, у оврага, между тремя березами, — его любимом месте отдыха. На похороны специально стянута была конная полиция для соблюдения порядка, но она оставалась безучастной, так как все попечения за соблюдением порядка взяло на себя студенчество, образовав живую цепочку. Когда гроб опускали в могилу и присутствующие опустились на колени, одна только полиция, спешившись, стояла. Тогда наш земляк, студент Л. Шургая, грозно крикнул полицейским: «На колени, полиция!» Это было сказано так внушительно, что все полицейские, как один, подчинились приказу. Речей и после похорон не было, но когда все было покончено и стали медленно расходиться, кто-то громко произнес над могилой: «Великий Лев умер, да здравствует дух великого Льва», как мне потом оказали, это был режиссер Художественного театра — Сулержицкий, большой почитатель Толстого. Удрученные всем перечувствованным, под впечатлением красот Ясной Поляны, мы не могли прийти в себя от всего; обаяние Ясной Поляны с ее аллеей, дубовой рощей позади дома, так красочно описанной в главных произведениях Толстого... В тот же вечер мы вернулись в Москву. С тех

пор прошло 50 лет, но все виденное и пережитое мною свежо в памяти, особенно отраднo мне сейчас, что в усадьбе Толстого ничего не изменилось после смерти ее владельца, все сохранилось в неприкосновенном виде...».

В Тбилиси целые полосы газет были заполнены сообщениями о различных встречах, на которых собирались, чтобы почтить память покойного. Среди многочисленных телеграмм выделялась телеграмма от служащих Управления Закавказских железных дорог за подписью двухсот пятидесяти человек. Корреспонденты из Москвы и Петербурга, статьи о Толстом печатались в местных газетах и журналах на протяжении целого месяца.

20 ноября состоялся вечер, устроенный Тифлисскими высшими женскими курсами, где, наряду с другими участниками, своими воспоминаниями о пребывании в Ясной Поляне поделился с присутствующими и Илья Накашидзе. 25 ноября в бывшем Народном доме Зубалашвили грузинский театр устроил вечер. Шла пьеса Толстого «Власть тьмы» в переводе Мевеле (Давида Микеладзе). В спектакле принимали участие лучшие артистические силы театра во главе с В. Гуния.

Подробную статью «Лев Толстой» о русском классике написал Акакий Церетели, приведем яркий отрывок из нее: «... Не приходится удивляться, что истинный гений, рожденный Россией, завоевал небывалую славу, и имя его превозносят до небес. Я говорю о графе Толстом, смерть которого потрясла всех, хотя она пришла к нему в глубокой старости. Недаром так поражал он всегда воображение Тургенева; искуснейшие творения Толстого, его малень-

кие рассказы об обороне Севастополя, Кавказские повести, «Казачи» и другие действительно восхищают и чаруют читателя. Большие романы «Война и мир», «Анна Каренина» и другие принесли ему славу всемирного гения. В старости он свернул на путь философских исканий, и, быть может, не все в его проповеди найдет отклик и одобрение читателя, например, поистине скопическая, противная человеческой природе мораль «Крейцеровой сонаты», неприятие Шекспира, отрицание науки, отказ от искусства и т.д. Но, несмотря на это, его мировоззрение в целом – живительный источник для всех, и оно отмечено печатью истинной мудрости. Прошлое изжило свой век, и многие старые порядки, ныне неприемлемые, заслуживают быть заклеятыми. Нужны новые пути, новые горизонты, иное направление развития. Чем раньше рухнет старое, тем лучше. Это, разумеется, понимают многие. Но трудно найти такого сознательного и бесстрашного борца, каким был Толстой на протяжении всей своей жизни... Он проповедовал «единство, равенство и любовь», он боролся против угнетения слабого сильным, против поглощения малого большим. И сколько мелких, смешных предрассудков и порядков высмеял и разоблачил он! Вот чем привлек он сердца угнетенных и завоевал сторонников и последователей не только в России, но и в Европе и в Америке. Он был для мира подлинным провозвестником и апостолом будущего. Так надо ли удивляться тому, что и грузины сегодня искренне оплакивают его» (А. Церетели. Избранные произведения. 1960, с. 655-656).

Отозвался на смерть Толстого и Важа Пшавела трогательной поэти-

▲ Валериан Гуния

ческой эпитафией – стихотворением «На смерть Толстого».

К изучению творчества Толстого, его грузинских связей, к переводам его произведений на грузинский на протяжении следующего столетия обращались ведущие ученые и переводчики Грузии, и это может стать отдельной темой для изучения. Самые подробные работы – «Л. Толстой в Грузии» профессора Георгия Талиашвили (Тбилиси, 1951), книга известного грузинского исследователя, собравшего огромный материал по русско-грузинским взаимосвязям И. Ениколопова, к которой мы не раз обращаемся, и глава в первом томе фундаментального труда профессора Вано Шадури «Л.Н. Толстой» «Летопись дружбы» (Тбилиси, 1967, т. I. С. 496-514).

«ТОЛСТОВСКИЕ МОТИВЫ» В ГРУЗИИ В XXI ВЕКЕ

Одним из самых ярких событий в грузино-русских культурных и научных отношениях на новом этапе, после развала СССР, в независимой Грузии, стала Международная научная конференция «Л.Н. Толстой в 1850-е годы: рождение художника». Организовали ее музей-усадьба Л.Н. Толстого в Ясной Поляне совместно с Пушкинским мемориалом в Центре культурных взаимосвязей Грузии «Кавказский Дом». Естественно, за каждой конференцией стоят живые люди, от их авторитета и труда зависят и масштаб, и состав научной встречи, и ее атмосфера. Инициаторами и «мотором» научной конференции стали с российской стороны сотрудники Государственного музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» во главе с правнуком Льва Николаевича Владимиром Ильичом Толстым и заведующим отделом научно-исследовательской работы музея, кандидатом филологии Галиной Алексеевой. В Предисловии к сборнику, который был выпущен по материалам конференции Издательским домом «Ясная Поляна», Г. Алексеева пишет: «На заседаниях конференции в нескольких докладах прозвучала тема «паутины любви», которая, пожалуй, является лейтмотивом раннего творчества Л.Н. Толстого. «Паутиной любви» английский сентименталист Стерна Толстой

пронизывает и дневники, и черновые варианты некоторых ранних произведений, и, наконец, повесть «Казак», где она звучит столь мажорно: «для того, чтобы быть счастливым, надо одно – любить, и любить самоотверженно, любить всех и все, раскидывать на все стороны паутину любви». Вероятно, неслучайно в один из конспектов этой повести писатель вводит Тифлис» (Г. Алексеева. Материалы международной научной конференции «Л.Н. Толстой в 1850-е годы: рождение художника». Ясная Поляна, 2003, с. 8).

Уровень конференции действительно был самый высокий, а атмосфера удивительная – встретились ученые-единомышленники из разных стран, для которых Толстой был не просто предметом изучения,

▲ Участники конференции «Л.Н. Толстой в 1850-е годы: рождение художника» у храма Джвари. Мцхета

а Учителем, через 150 лет отвечающим на жизненно важные вопросы. Знаменательно, что собрались ученые из разных областей науки, в том числе ведущие профессора в своей области: прозвучали доклады исследователей из «Ясной Поляны», для которых работа над архивными материалами – дело жизни: Галины Алексеевой – «Английский круг чтения Л.Н. Толстого в 1850-е годы», Ирины Грызловой – «Штрихи художественных приемов Лоренса Стерна в рассказе Л.Н. Толстого «Метель», Нины Никитиной – «Пятая стихия» Льва Толстого», Анны Полосиной – «Мне кажется, что это написал я сам» (Л.Н. Толстой и Жан-Жак Руссо: источники творчества, параллели»), петербургских докторов наук Ольги Сливицкой – «Фрактальный характер творчества молодого Толстого. «Люцерн» и Эльвиры Осиповой «Повесть «Детство» и восприятие раннего творчества Л.Н. Толстого американскими писателями». Грузинские филологи были представлены работами профессоров Зазы Абзианидзе

«Л.Н. Толстой, грузинские гуманисты и современность» и Марии Филиной «Л.Н. Толстой в восприятии польских писателей-современников». Доктор филологии Мария Кшондзер представляла Германию, где она живет ныне, и Грузию – свою родину, она предложила доклад «Нравственно-этическая проблематика повести Л.Н. Толстого «Казачи» в контексте традиций русской литературы и в современном прочтении», специалист из Нью-Брансвикского университета (Канада) представила исследование об аналогиях и отличиях религиозной системы Толстого Мигеля де Унамунно, а молодой славист из Стэнфордского университета (США) Анна Хруска построила свои размышления об этических проблемах семьи на произведениях Толстого – «Страдания детей и жестокость толстовской гармонии». Философская часть была представлена работой известного грузинского ученого Зазы Шатиришвили – «По ту сторону возвышенного: кавказский топос в «Хаджи-Мурате» Л.Н. Толстого» и профессора Те-

хасского университета Бретта Кука «Самосознание в раннем творчестве Толстого: «История вчерашнего дня» в дарвиновской перспективе»; в его интердисциплинарном докладе творчество русского классика рассматривалось с философской и психологической позиций в контексте «биоэтики». И, наконец, профессор из Линденфельса Бернхард Суинде Бутемар в своем докладе изучал педагогическую проблематику в раннем творчестве Толстого – «Рождение писателя: книги для чтения для детей и подростков». Именно он сказал, что после появления «Детства» и «Отрочества» стала развиваться отдельная отрасль науки – детская психология.

Тематика была весьма широкой и не всегда касалась раннего творчества классика, но основной пафос заключался в исследовании феномена рождения гения на грузинской земле. Все участники отмечали, что творчество Толстого абсолютно современно и ученые с разных континентов, представители самых различных научных школ нашли общий язык и определили дальнейшие темы для изучения неисчерпаемого мира Толстого. В докладе профессора Ольги Сливичкой теория фрактала была применена к литературе, она сказала, что наиболее точное определение понятия в формулировке ученых В.С. и В.А. Поликарповых звучит так: «Фрактал – это нелинейная структура, сохраняющая самоподобие при неограниченном изменении масштаба. Иными словами, фракталы самоподобны и различаются лишь масштабами. Тут выделено два момента, имеющих, по-видимому, наибольшее значение для эстетики. Когда Толстой говорил: «искусство потому только искусство, что оно все», то имел в виду свойство

искусства представлять действительность в ее целостности, в то время как любая из наук рассматривает лишь один ее аспект» (О. Сливичкая. Материалы международной научной конференции «Л.Н. Толстой в 1850-е годы: рождение художника». Ясная Поляна, 2003, с. 9). Можно попытаться упростить эту мысль – как капля воды позволяет изучать определенные свойства океана, так в любом великом произведении в той или иной мере заключен весь писатель с его философским миром. И ранние же произведения Толстого, созданные на грузинской земле, уже содержат в сжатом виде этот мир.

С грузинской стороны главной фигурой – инициатором и организатором – был хранитель Пушкинского мемориала, филолог, ныне главный редактор журнала «Русский клуб» Александр Сватиков, который вложил в эту встречу свое бережное отношение к русской классике, стремление не просто поддержать давние русско-грузинские взаимосвязи, но и обогатить их. Талантливый экскурсовод, Александр Сватиков представил гостям, многие из которых приехали в Грузию впервые, ее достопримечательности, в том числе и толстовские места.

Галина Алексеева заключает свое Предисловие к изданной под ее редакцией книге словами: «Обсуждая в течение нескольких дней феномен «паутины любви» в творчестве молодого Толстого, участники конференции незаметно оказались «опутаны» ею, и «паутина любви» очень естественно стала эпиграфом конференции, метафорой взаимоотношений ее участников». И в этом было ее назначение – протянуть руку ученым разных стран в тяжелые для русско-грузинских отношений времена, дать

▲ Участники Дней Льва Толстого в Грузии у мемориальной доски

импульс для дальнейшего диалога.

В 2011 году, когда провести русско-грузинское мероприятие в Грузии было еще сложнее, произошло большое научно-культурное событие – Дни Льва Толстого. Они прошли 15-20 апреля. Организовали этот праздник русской литературы и культуры Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» и Федеральное учреждение культуры – Государственный памятник «Музей-усадьба Л.Н.Толстого «Ясная Поляна».

Дни Толстого собрали ведущих ученых-толстоведов из России и стран Южного Кавказа. Почетным гостем был потомок писателя – Владимир Ильич Толстой, руководитель Музей-усадьбы «Ясная Поляна». Центральным мероприятием Дней, приуроченных к 160-летию со времени пребывания великого русского

писателя в Грузии, стала международная научная конференция «Война или мир? Диалог культур как фактор преодоления межнациональной розни».

Открывая форум в Зале приемов театра им. А.С. Грибоедова, президент «Русского клуба» Николай Свентицкий сказал: «Мы по-прежнему свято верим, что центростремительная сила сильнее центробежной, если этим центром является культура. Духовность, творчество, вера, душевное родство людей являются для нас и смыслом, и стимулом, и целью. Пропаганда позитивных образов Грузии и России через искусство, литературу, науку – это самая благородная и благодарная пропаганда, это основа любых взаимоотношений, то, что по-настоящему связывает, а не разъединяет народы».

С теплым приветствием к участ-

▲ На открытии выставки грузинских художников «Мир Толстого»

никам Дней обратился Владимир Толстой, он заявил о близости культур России и Грузии, о значении традиций взаимосвязей и их плодотворности.

Именно диалогом культур стали все встречи этих дней.

Отрадно, что к творчеству Толстого причастились молодые – ведь именно новому поколению так не хватает атмосферы давних творческих отношений двух народов. «Русский клуб» совместно с Тбилисской академией художеств им. А. Кутателадзе провел конкурс «Мир Толстого» среди молодых студентов. Выставка работ конкурсантов состоялась в Тбилисском государственном академическом русском драматическом театре им. А.С. Грибоедова и поразила присутствующих своим масштабом: десятки молодых художников создали работы по мотивам произведений Л.Н. Толстого в разных областях изобразительного искусства

– живописные полотна, графика, иллюстрации к книгам и циклы работ, бюсты, барельефы, медали... Были представлены и произведения на толстовскую тематику, созданные грузинскими мастерами в давние годы. Организатором конкурса стала художник, доктор искусствоведения, руководитель библиотеки Академии художеств Нино Заалишвили, вложившая в это дело огромный труд. Она призналась, что была поражена энтузиазмом молодых участников, многие из которых впервые прочитали произведения Толстого. Они говорили, что работали с вдохновением, и пожелали участвовать еще в одном конкурсе – «Мир Достоевского». Победителям были вручены дипломы. Обладательницей «Гран-при» стала Ульяна Гонаболина – за иллюстрации к детским рассказам Толстого, первое место получил Георгий Кухалашвили за полотна «Лев Толстой в Тбилиси» и «Война с Шамилем». Второе

место разделили живописец Георгий Данибегашвили, написавший «Страх мира», и скульптор Мераб Хуташвили, выполнивший «Портрет Л.Н. Толстого» и «Анну Каренину». Третье место было присуждено Зазе Хуцишвили за «Свет и тень Льва Толстого» (работа выполнена на стекле), графику Ираклию Чиковани («Хаджи-Мурат») и Ие Бахтадзе («Пять заповедей Толстого»). Награды получили еще 6 молодых художников и организация «Язык искусства». Важно, что русский гений для десятков грузинских художников навсегда будет близким, он стал частью их биографии.

Победителей ожидал сюрприз. Президент МКПС «Русский клуб» Николай Свентицкий и директор музея-усадьбы «Ясная Поляна» Владимир Толстой объявили о присуждении главного приза – поездка в Россию. Обладатели Гран-при и первого приза – Ульяна Гоноболина и Георгий Кухалашвили – вначале посетили Третьяковскую галерею, а затем – Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, где они попали на выставку Сальвадора Дали. Из Москвы молодые художники направились в главный пункт своей поездки – Ясную Поляну. Экскурсию провел сам Владимир Ильич Толстой, и победители конкурса погрузились в мир, в котором жил гений и который сохранен почти в первозданном виде.

«Это действительно Ясная Поляна, – сказала по возвращении Ульяна Гоноболина, – и хоть название означает открытое место, пустошь, это не так. Ощущение непередаваемого покоя, легкости и вдохновения наполняет каждого, кто попадает в этот заповедник». Эта поездка дала больше, чем все виртуальные формы общения, молодые грузинские художники продолжают диалог клубур уже в сво-

ем поколении.

На открытии Дней был показан фильм заслуженного деятеля искусств, кинорежиссера Галины Евтушенко «Полустанок», посвященный последним дням писателя. Эта философская лента транслировалась на телеканалах России и вызвала оживленную дискуссию. Состоялась и встреча с известным кинорежиссером Георгием Шенгелая. Тема ее была неожиданной – «Почему не был снят фильм «Хаджи-Мурат»? Встреча была яркой, она вылилась в размышления о судьбе художника в наши дни, о судьбе искусства в целом.

Одной из составляющих Дней Толстого стала поездка в село Гореловка, где и ныне, недалеко от Ахалкалаки, живут духоборы, потомки переселившихся в Грузию в XIX столетии. Школа в этом селе носит имя Льва Толстого, который защищал духоборов, поддержал их начинания.

Сама научная конференция прошла весьма живо и эмоционально, что редко бывает на встречах ученых. Тема войны и мира для Кавказа в наши дни, как говорят медики, – тема «по жизненным показаниям». Проблематику конференции 2002 года можно назвать идиллической – она была освящена радостными эмоциями от обсуждения дебюта гения. Тема же 2011 года в стране, где недавно были трагические военные события, изначально драматична. В центре изучения оказалась, естественно, повесть «Хаджи-Мурат» – зрелое размышление гения о войне, разрушающей даже самую сильную человеческую личность. И толстовский пафос, его ненависть к уничтожению человека человеком, непризнание кровавой вражды народов стали основой выступлений ученых.

▲ Владимир Ильич Толстой с семьей на пороге Гореловской школы

Толстой оказался необыкновенно актуален в описании давней Кавказской войны, и каждый участник по-своему выстраивал свои размышления и исследования в связи с ситуацией XXI века. Галина Алексеева рассказала о прочных связях представителей грузинской интеллигенции с Толстым в конце XIX века. Коснувшись темы создания Толстым повести, Г. Алексеева отметила: «В повести Хаджи-Мурат погибает в неравной схватке с порабощателями, в схватке с самим собой и чудовищным, казалось бы, не разрешимым феноменом — Кавказской войной, которая в своей бессмыслице у Толстого вырастает в убедительное отрицание войны как чуждого человеку явления. В период работы над повестью Толстой пишет целый ряд антивоенных воззваний, статей, откликаясь на просьбы людей возвысить свой голос против военных действий в том или ином уголке земли».

Тему войны в своем докладе

«Братья Толстые на Кавказской войне» осветила сотрудник музея-усадьбы «Ясная Поляна» Елена Белоусова. Профессор Белгородского государственного университета филолог Светлана Климова выступила с сообщением на тему «Диалогизм Толстого в культурном пространстве переходной эпохи», доктор искусствоведения Мария Киракосова (Тбилиси) рассказала о произведениях Л. Толстого в музыке и, в частности, об истории создания оперы Сергея Прокофьева «Война и мир». Профессор кафедры теории литературы Бакинского Славянского университета Рагиля Кулиева прочла доклад «Время рассказа и рассказываемое время в повести Л. Толстого «Хаджи-Мурат». Еще одним участником из Азербайджана был доцент кафедры классической литературы Бакинского государственного университета фикрет Рзаев, посвятивший высту-

пление некоторым особенностям восприятия и освоения творчества Л.Толстого в Азербайджане. Вызвал удивление факт, что, согласно с восточной традицией, переводы прозаических произведений Толстого на азербайджанский язык зачастую осуществлялись в стихотворной форме. Рзаев сообщил, что недавно ему посчастливилось обнаружить в одном из архивов рукопись перевода-инсценировки повести Толстого «Хаджи-Мурат», осуществленный классиком азербайджанской литературы Дж. Джабарлы в 1928 году. Профессор Тбилисского государственного университета Мария Филина предложила неизвестный ранее материал – переведенные ею письма польского политического ссыльного Владислава Юрковского о Кавказской войне. Они писались в разгар войны, и в них живо представлена атмосфера в армии, завоевание и истребление аулов, то есть ситуация, описанная Толстым в «Хаджи-Мурате». Польские тексты позволили провести интересные параллели в восприятии войны в различных ракурсах и в разном национальном сознании. Профессор Тбилисского государственного университета Давид Гоциридзе осветил тему «Бикультурная личность на примере Хаджи-Мурата», рассмотрев толстовский текст в психолингвистическом аспекте. Автор книги «Страна Духобория» Алла Беженцева выступила с эмоциональным рассказом о грузинских духоборах. Литературовед Нина Зардалишвили-Шадури представила содержательное сообщение на тему «К вопросу о началах: на примере произведений «Утро помещика» и «Казачьи». Доктор филологии Владимир Саришвили предложил размышления о комическом в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Во-

йна и мир», а профессор Грузинского аграрного университета Цисана Гигаури выступила с докладом «Трагическое в творчестве Льва Толстого и европейская традиция». Эти полюса – трагическое и комическое еще раз высветили многогранность толстовской писательской палитры.

Особый интерес вызвали живые воспоминания старейшего участника конференции, профессора Тбилисского государственного университета Натальи Орловской. Со свойственной ей элегантностью она поведала семейные предания о связях с Л.Н. Толстым. Иван Корганов, сын полковника Иосифа Корганова, в доме которых останавливался Хаджи-Мурат, был женат на сестре ее деда, В. Орловского. В 1902 году Иван Корганов давал сведения Л.Н. Толстому о Хаджи-Мурате. В своем письме Льву Николаевичу он пишет: «Буду счастлив, если хоть капельку буду вам полезен». Анна Корганова, его мать, в своих воспоминаниях подробно рассказывает о том, как Хаджи-Мурат бывал в их доме и обедал у них. «Когда пригласили его к обеду, муж скоро заметил, что Мурат не дотрагивается до блюда (кажется, ели все из одного блюда), и сам первый начал есть с блюда. Тогда Мурат повернул к себе блюдо той же стороной и отсюда стал есть (верно, боялся отравы)». Этот случай в доме Коргановых, – отметила Н. Орловская, – использован Толстым, но вставлен им в эпизод обеда Хаджи-Мурата у Воронцовых».

Все отмечали, что конференция поразила единением и взаимной доброжелательностью, хотя ее тема была весьма острой. Но именно это знаменательно.

«Хаджи-Мурат» – поздний шедевр с мощным энергетическим

▲ Участники Дней Толстого в Грузии во Мцхета

зарядом – стал своего рода художественным завещанием гения. Толстой, как никто из его современников, да и последователей, представил бесчеловечность и бессмысленность завоевательной войны на Кавказе. Он проник в менталитет, в душу иного народа, представил мир завоеванных народов в образе одного своего героя. Толстовская теория непротivления злу насилием обрела здесь особое звучание – он всем текстом и подтекстом «Хаджи-Мурата», как и «Набега» и «Рубки леса», призывает прекратить взаимное кровавое уничтожение. Нет победителей в войне, есть накопление агрессии и ненависти.

Атмосфера конференции была определена нынешним драматическим состоянием отношений двух народов. Хотя это и не происходило, еще сказывалась рана недавних кровавых событий. Ученые словно

пытались найти поддержку у гения, который всем своим существом был направлен на единение, на мучительные поиски выхода к миру из войны. Можно сказать, что основные доклады составляли некое научное и, пожалуй, публицистическое целое. Встреча ученых была на редкость актуальной. И хотя к ученым редко прислушиваются те, от кого зависит разжигание войны, без голоса литераторов было бы еще драматичнее. Могучая энергетика Толстого, его стремление к правде, его редкий дар поднимать самые болезненные вопросы и не бояться их, позволили от имени гения вести диалог культур. Участники говорили о том, что еще раз надо поклониться Льву Николаевичу, из глубины лет воззвавшему к жизни это событие, вдохновившего не только ученых, но и грузинских студентов XXI столетия на творчество, на чудо взаимопонимания.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЛЬВА ТОЛСТОГО НА ТБИЛИССКОЙ РУССКОЙ СЦЕНЕ

Материалы для этой части любезно предоставлены известной журналисткой и театроведом Инной Безиргановой, за что выражаем ей искреннюю благодарность.

Как уже было сказано, в 1906 году Давид Микеладзе (литературный псевдоним Мевеле) перевел на грузинский язык пьесу «Власть тьмы», находившуюся в то время под запретом, и издал ее в 1908 году в Кутаиси. Отсылая эту пьесу Толстому, Микеладзе затронул попутно вопрос, обращенный к нему еще в 1901 году грузинской молодежью. 25 ноября 1910 года в бывшем Народном доме Зубалашвили грузинский театр устроил вечер памяти недавно ушедшего из жизни классика. Была поставлена на грузинском языке пьеса Толстого «Власть тьмы» в переводе Давида Микеладзе.

Самое раннее обращение к толстовской драматургии и прозы в ее сценическом воплощении относится к 1904 году, когда Товарищество новой драмы, возглавляемое Всеволодом Мейерхольдом, выпустило в Тифлисе два спектакля – «Катюша Маслова» и «Плоды просвещения». «Власть тьмы» была поставлена и в 1913 году, сохранилась афиша любительского театра Надзаладеви, оповещающая о спектакле.

Следующие постановки связаны уже с Тбилисским государственным русским театром им. А.С. Грибоедова, где в 1937 году Арсений Ридаль поставил «Анну Каренину». Театровед Е. Шапатава считает, что успех спектакля во многом определила тонкая игра Ивана Бодрова в роли Каренина и блестящая работа Людмилы Врублевской – Анны.

Через шесть десятилетий, в 1998 году, Георгий Кавтарадзе обратился опять-таки к «Анне Карениной», напомним, что к тому времени уже было осуществлено несколько экранизаций романа, и требовалась большая режиссерская смелость для инсценирования толстовского шедевра. В центре режиссерского внимания вновь оказалась загадочная, мятущаяся, грешная женская душа, полная трагической дисгармонии. Анна, во власти неуправляемой, одновременно животворящей, освещенной любовью и темной стихией, стремится к своей

▼ Сцена из спектакля «Анна Каренина»

неизбежной гибели.

Г. Кавтарадзе предложил зрителю сценическую версию в двух частях по отдельным главам романа «Анна Каренина», не претендуя на полноту. Параллельные сюжетные линии романа намечены штрихами, важнейшая для Толстого линия взаимоотношений Кити и Левина сведена к минимуму, в центре авторского решения – драма Анны, Каренина и Вронского.

Роль Анны Карениной исполнила Ирина Мегвинетухуэси. Критики высоко оценили ее сценическую работу, отметили, что И. Мегвинетухуэси ни разу не изменило чувство меры, она тонко ощущает грань между подлинным трагизмом и мелодраматизмом.

Театральный критик Г. Безиргани писал, что «трагедия ее Анны заражает зрителей. Старым записным театралом даже кажется, что на сцене – юная Бурмистрова».

Каренина некоторые специалисты и читатели считают центральным и одним из самых трагических в романе образов, и Валерий Харютченко представил, как в педантичном внешне Каренине трепещет живая душа, это не «машина, и злая машина, когда рассердится», а тонко чувствующий человек с неизжитыми страстями и мучительными духовными исканиями.

Поразительным оказался финал спектакля – надвигающееся чудовище со страшными желтыми фарами – поезд и черный прозрачный «газ», окутавший Анну Каренину – жертву собственных необузданных чувств. Бидзина Кавтарадзе создал удачную сценографию спектакля – запомнились и тревожный свет вокзальных фонарей, и даже письменный стол Каренина с аксессуарами эпохи, с моделью железной дороги, которой играет маленький Сережа. «Внетолстовским» образом «черного челове-

ка» (Темур Шотадзе) в ткань спектакля настойчиво вплетается тема рока.

Вронского на премьере играл Дмитрий Бибилашвили, а позже в спектакль ввели любимца зрителей «Тависупали» (Свободного) театра – рано ушедшего из жизни актера и поэта Нико Гомелаури. Эта роль стала его успешным дебютом на грибоедовской сцене. В образах Кити и Левина предстали молодые актеры Анна Балакирева и Сергей Дроздов.

Г. Безиргани считает спектакль полностью режиссерским: «Это с первых же мизансцен до последних спящих глаза огней надвигающегося поезда – детище постановщика, художественного руководителя театра, народного артиста Грузии Георгия Кавтарадзе. Почерк этого замечательного мастера не спутаешь ни с одним другим... Работа сделана. И сделана блестяще. Спектакль получился. Тронул за живое зрителя. Не изменив при этом великому Льву».

Пожалуй, творческой вершиной художественного руководителя театра, известного режиссера Автандила Варсимашвили стал спектакль «Холстомер. История лошади». Премьера состоялась в 2012 году. Эта работа грибоедовцев (при поддержке МКПС «Русский клуб») была задумана как посвящение великим: Георгию Товстоногову и Евгению Лебедеву – исполнителю роли Холстомера в легендарной постановке Георгия Александровича.

Спектакль было решено представить петербургской публике на фестивале «Встречи в России». Естественно, все участники понимали, насколько это рискованно именно в Петербурге, где все театралы помнят ставшую классической постановку БДТ. Грибоедовский театр и БДТ связаны прочными узами: Евгений Лебе-

дев играл на его сцене, сын Георгия Товстоногова Сандро Товстоногов несколько лет был главным режиссером, с его именем связан новый этап развития Тбилисского русского драматического театра. И эти узы тем более обязывали. Успех оказался поразительным. Взыскательная публика российской культурной столицы бурными аплодисментами и криками «браво!» выразила свой восторг и свое признание гостям из Грузии.

Режиссер Автандил Варсимашвили известен своими смелыми, необычными решениями в постановке классики, естественно, и здесь он предложил собственную инсценировку произведения. «Холстомер» грибоедовцев почти не вызывает аллюзий со спектаклем Георгия Товстоногова. Критики отмечали, что «режиссер Варсимашвили и вся его труппа лишь черпали вдохновение из того легендарного спектакля БДТ, не пытаясь скопировать его. Их «Холстомер» – спектакль нового времени. Он жестче, динамичней, акценты в нем расставлены четче, вопросы, которые ставятся перед зрителем, не просто резкие и неудобные, они еще и сформулированы так, что уйти от ответа никак не получится...»

Когда читаешь рецензии на спектакль БДТ, осознаешь, сколь остро воспринималась в эпоху застоя основная идея постановки: как человеческое тщеславие и расчетливость убивают Холстомера, как совершается насилие над личностью. Причем «только ли его, только ли старого мерина убивали – вот главный вопрос товстоноговского спектакля», – писал критики.

В спектакле театра Грибоедова эта тема тоже звучит – особенно в сцене, когда молодой табун немолимо, безжалостно наступает на

Холстомера... Но А. Варсимашвили предложил иные акценты: это повествование о мудрости, обретенной страданием, о беспомощности старости, о непривлекательности смерти, о безответной любви и сострадании, о благородстве и предательстве. Тема прочитывается, прежде всего, в образе Холстомера, каким его трактует режиссер. Старый мерин на пороге смерти вспоминает всю свою нелегкую жизнь. Она научила его многому, но главное – терпению и терпимости к несовершенству мира, к человеческим слабостям. Этот мотив становится камертоном всего спектакля. Есть здесь и еще один аспект: противопоставление духовного начала стадности и заурядности. Для табуна Холстомер – «совсем чужой, посторонний, совсем другое существо». Но не потому только, что пег, стар, тощ и уродлив... Причина – в его индивидуальности, непохожести. В полной мере она раскрылась, когда Холстомеру был дан шанс проявить себя. И тогда он прославился и стал «мужиком первым» – ведь именно так называли Холстомера при рождении!

В спектакле Холстомер предстает в трех обликах. В роли жеребенка молодой актер Лаша Гургенидзе изображает юную горячность, чистоту и невинность, выраженные прежде всего пластически.

Другой актер – Вано Курасбедиани (до него в этой роли выступал Олег Мchedlishvili) представляет своего героя в расцвете сил – счастливого победителя, вскоре загнанного обожаемым хозяином...

И, наконец, старый Холстомер – Валерий Харютченко. В.Харютченко вложил в этот образ весь свой жизненный опыт, собственные переживания и страдания. Полностью забываешь, что перед нами лошадь, это

Сцены из спектакля «Холстомер. История лошади»

какой-то органичный кентавр с общими для каждого живого организма чувствами. Холстомер словно сросся с актером. По воле режиссера «тройка» в какие-то моменты «сходится». Запоминается «зеркальная» сцена: Валерий Харютченко и Ваню Курасбедиани вглядываются друг в друга, повторяя одни и те же движения. И возникает ощущение «двойного бытия», совмещения временных пластов...

Все события в спектакле разворачиваются перед глазами старых Холстомера и Вязопурихи (заслуженная артистка Грузии Людмила Артемова-Мгебришвили играет умудренную жизнью, много повидавшую на своем веку лошадь) – их связывает общее прошлое: любовь и измена, раскаяние и прощение. Здесь тоже присутствует встреча прошлого и будущего: пожилые Холстомер и Вязопуриха припадают к юным (в роли молодой лошади – пластичная и трепетная Со-

фия Ломджария).

В синтезе с экспрессивной музыкой (композитор Заза Коринтели, музыкальное оформление Элисо Орджоникидзе) и вращающимся сценическим кругом пластические картины выражают самые разные чувства – любовь, страх, агрессию, боль.

Таковыми же средствами решена линия «любовного треугольника»: Холстомер – Вязопуриха – Милый (Василий Габашвили). Страстные объятия изменницы-возлюбленной и красавца Милого, безумные пробежки обуреваемого ревностью Пегого, затем – сцена изнасилования, за которой следует душераздирающий эпизод оскпления Холстомера... Это – центральные сцены спектакля. Действие происходит в каком-то вне-реальном пространстве. Художник Мириан Швелидзе создал на сцене пронзительную, тревожную атмосферу. В этом пространстве, окутанном синей дымкой, обитают потерянные души. Когда-то здесь все цело, ныне же потускнело и окаменело. А над этой пустотой возвышается крест.

Остро-щемящее чувство вызывает сцена встречи Холстомера и некогда великолепного, а сегодня потускневшего и опустившегося князя Серпуховского (Аполлон Кублашвили). «Ну, узнай, узнай же меня!» – молча, изо всех лошадиных сил взывает Холстомер, но тщетно. Князь, погруженный в воспоминания о прошлом, не слышит его... С Серпуховским в спектакле Варсимашвили также связана тема беспомощной и уродливой старости. Как говорил Холстомер, старость бывает величественная и бывает жалкая. Старость князя Серпуховского – именно жалкая.

Скупыми мазками, и от этого еще более страшно, поставлена сцена убийства Холстомера. Один удар

ножа конюшего Нестора (Сандро Маргалиташвили, позднее в спектакль вошел Георгий Зангури) – и кончена лошадиная жизнь. Старый мерин освобожден, сбросив непосильное бремя прожитых лет, перенесенных страданий и печальных воспоминаний.

В центре круга стоит большое, почти гладкое дерево с провалом в стволе, от которого отходят всего две плоские, горизонтальные ветви. Символ ясен, это крест распятия. И он станет основным пристанищем для трагической исповеди старого, загнанного мерина в исполнении Валерия Харютченко, а моментами – и для других героев повести, распятых судьбой.

Зрители восприняли «лошадиные истории» как перипетии человеческих характеров и судеб в отпущенное им для жизни время. Время представлено жестокое. Актеры не пытаются перевоплотиться в лошадей, они лишь жестами напоминают о звериной природе персонажей. Вот табун молодых лошадей на выгоне – резвых, оголтелых, для них нет никаких внутренних запретов. Полные сил забияки с презрением смотрят на грустно-покорного старого мерина и делают ему мелкие гадости – лягают, вырывают сено и отгоняют от кормушки, еще и фыркают, брыкаются. При этом Холстомер Харютченко ничему не сопротивляется, покорно принимает их агрессию, даже сохраняет улыбку, продолжая свой рассказ: «Я – чужой, посторонний». Эта улыбка всепрощения уже не покидает старого мерина. По точности и пронзительности актерских реакций для Харютченко это одна из самых сильных его ролей. «Он умудряется передать свои ощущения, например, от запаха дыма, старается найти и выделить детское, слабое,

нежное в душе Холстомера, в душе, оставшейся в вечном одиночестве», – писала театровед В. Церетели.

У тбилисского «Холстомера» оказалась счастливая судьба. Его увидели во многих городах и странах, и повсюду спектаклю сопутствовал огромный успех. Грибоедовский открыл «Холстомером» программу шоу-кейса Тбилисского международного театрального фестиваля в 2012 году. На редкость удачным для театра оказался 2013 год. Вначале он отправился с «Холстомером» в Санкт-Петербург, на XV международный фестиваль русскоязычных театров «Встречи в России». Спектакль состоялся 12 апреля и собрал целый каскад откликов в прессе.

«Театр имени А.С. Грибоедова из Тбилиси сделал настоящей подарок театрам – спектакль «Холстомер. История лошади» по мотивам повести Льва Толстого. И посвятил его памяти Евгения Лебедева и Георгия Товстоногова», – написала «Комсомольская правда».

«Жизнь держится на внутренних рифмах, субстанции эфемерной, но прочной, как слюна ласточки. Вот и Тбилисский русский театр имени Грибоедова показал в Петербурге 12 апреля 2013 года – за неделю до сороковин Нателы Товстоноговой – постановку, посвященную одному из самых знаменитых ленинградских спектаклей. За ней, Нателой Товстоноговой, как будто дверь эпохи закрылась. Получился спектакль-реквием: по людям, по ушедшему времени. Но ушедшему ли? Крест в глубине сцены (это и надгробный крест, и распятие, и дуга, и хомут, и ясли) – это крест по всем прошлым и будущим ушедшим. Наш общий крест», – отметила писательница, известная переводчица грузинской поэзии Наталья Соколовская.

В 2013 году Грибоедовский стал лауреатом международной премии «Звезда Театрала», учрежденной журналом «Театрал» и газетой «Новые известия», как лучший русский театр зарубежья.

В том же году театр принял участие в XI Международном театральном форуме «Золотой витязь», который проводит одноименный, постоянно действующий Московский международный кинофорум (МКФ). «Холстомеру» были присуждены сразу две награды. Первая – это Гран-при фестиваля «Золотой витязь» за лучший спектакль. Вторую – Золотой диплом – вручили актеру Валерию Харютченко за исполнение роли Холстомера.

«Сердечно благодарю за огромную работу, осуществленную вами, для творческого захвата Москвы. Работа не пропала даром – вы триумфаторы форума, показавшие высокий класс театральной режиссуры и актерской школы. Еще раз поздравляю Вас, Автандила Варсимашвили и всех артистов, причастных к празднику, подаренному тбилисцами Москве. Желаю новых творческих дерзаний. До встречи. Ваш Н. Бурляев», – говорится в письме президента МКФ славянских и православных народов «Золотой Витязь», адресованном директору театра Николаю Свентицкому.

«Нынешний год был для нас очень плодотворным, удачным, – отмечал художественный руководитель театра имени А.С. Грибоедова Автандил Варсимашвили на пресс-конференции, которая прошла в Тбилисском международном пресс-центре РИА Новости. – Весной мы показали спектакль «Холстомер. История лошади» в рамках петербургского фестиваля «Балтийский дом» – «Встречи в России», там нас приветствовала потрясающая

публика, ожидал горячий прием. На наш спектакль пришли знаменитости, известные всему театральному миру, – Роман Виктюк, Кама Гинкас, Йонас Вайткус, Генриетта Яновская и другие. Наш успех в Санкт-Петербурге дал толчок для дальнейшего движения театра Грибоедова и его участия в международном театральном форуме «Золотой витязь»...

Премия «Звезда Театрала» называют театральным Оскаром, даже сам приз напоминает известную на весь мир статуэтку. Награда «Звезда Театрала» – большой успех для театра, если учесть, что русских театров в мире более 500. Церемония награждения прошла 2 декабря в театре имени Евгения Вахтангова. Эта премия по традиции вручается деятелям российского театра. И только одна номинация была объявлена впервые – «лучший русский театр зарубежья». Сразу после награждения премией «Звезда Театрала» грибоедовцы показали «Холстомера. Историю лошади» на масштабном театральном форуме «Золотой витязь» в помещении обновленного Московского губернского театра. Спектакль стал победителем. Награждение проходило в Зале церковных соборов Храма Христа Спасителя. В нем собралось четыре тысячи зрителей... Во время вручения награды в присутствии четырех тысяч зрителей Николай Бурляев сказал, что у жюри поначалу было другое предположение по поводу того, кто станет обладателем Гран-при, но триумфальное выступление театра Грибоедова изменило расклад...»

«У меня было ощущение, что мы не просто театр, приехавший в Москву, но, прежде всего, мы представители Грузии! – сказала заслуженная артистка Грузии Людмила Артемова-Мгебришвили. – Трудно даже подо-

брать слова, чтобы описать, как горячо нас принимали. Нас не отпускали со сцены более пятнадцати минут! Москва по праву считается театральной Меккой, и, конечно, все нервничали перед спектаклем. Я особенно волновалась за молодых – чтобы не подвели, не растерялись. Но они молодцы – выступили очень уверенно, достойно. Большая заслуга наших руководителей в том, что они привлекли в театр Грибоедова талантливую грузинскую молодежь».

«Ключевым словом я бы назвал слово «радость», – сказал в своем выступлении Валерий Харютченко. – Душа человека жаждет света, потому что жизнь сложна, а порой и страшна. В спектакле действительно происходят страшные вещи, но когда искусство настоящее, возникает состояние радости. И, конечно, радостно было от того, что на спектакль пришли бывшие грибоедовцы...»

«Все произошло так неожиданно! Мне запомнились слова Николая Петровича Бурляева, отметившего, что он несколько раз видел легендарный спектакль Георгия Товстоногова, но наш – не хуже!» – поделился актер Аполлон Кублашвили.

В 2014 году «Холстомер» представили в Махачкале, Ереване, Баку, и везде его ожидало единодушное признание. А в 2015-м году, юбилейном для театра им. А.С. Грибоедова, который отмечал свое 170-летие, «Холстомер» отправился на международный фестиваль «Соотечественники» в Саранск, затем – в Казахстан (Астана), побывал в Белоруссии (Брест, Минск), а после проехал по городам Сибири (Томск, Омск, Кемерово, Новосибирск, Барнаул).

В 2016-м спектакль увидели зрители Украины (Херсон, Николаев, Одесса). Впереди – Ярославль, Калуга,

Курск, Тула, Воронеж.

Знаменательно, что именно Л.Н. Толстой объединяет сегодняшнюю театральную жизнь Грузии и России, а спектакль стал своего рода знаковым, в нем звучат вечные, общечеловеческие проблемы, которые нельзя затмить ни временными разногласиями, ни модными на несколько дней или один сезон «концептуальными» вывертами.

Толстой в XXI веке не менее актуален, чем сто пятьдесят лет назад. И его творческие и человеческие связи с Грузией имеют для контактов двух народов огромное значение. Деятели грузинской культуры обращались к нему при жизни как к наставнику. Можно сказать, что мы сегодня обращаемся за помощью к писателю, к его неиссякающей за эти полтора столетия энергетике, к его стремлению к правде и естественности жизни.

Приз «Звезда Театрала» за спектакль «Холстомер. История лошади»

ПРИЛОЖЕНИЯ

В этой части в основном приведены материалы, собранные профессором Ваню Шадури в главе «Л.Н. Толстой» двухтомника «Летопись дружбы» (Т. I, Тбилиси, 1967, с.496-514) и помещенные в книге профессора Георгия Талиашвили «Толстой и Грузия» (Тбилиси, 1951), мы дополнили тексты и из других источников.

Илья НАКАШИДЗЕ КАК Я ПОЗНАКОМИЛСЯ С ЛЬВОМ ТОЛСТЫМ (отрывки)

К концу лета 1896 года я впервые приехал в Ясную Поляну, чтобы познакомиться с современным гением, с замечательным человеком и для того, чтобы сообщить ему некоторые сведения о духоборах. Л.Н. только что вставал после отдыха и, узнав о моем приезде, попросил слугу проводить меня в рабочую комнату. В комнате было темно, и я сразу не мог различить Л.Н., который встал навстречу мне. Он подал мне руку и начал говорить таким спокойным и ласковым тоном, что в ту же минуту я успокоился, а до этого я волновался в ожидании первой встречи с великим человеком [...]

Известно, что когда Лев Николаевич писал художественные произведения, особенно высоко он ставил и ценил те сведения, которые шли от живых людей, от свидетелей описываемых событий. Поэтому Толстой обратился к своим друзьям с прось-

▲ Илья Накашидзе

бой найти участников Кавказской войны. Я с одним моим другом, Д.Н., пошел разыскивать нужного человека. Нам сказали, что в предместье Москвы есть огромный дом для престарелых военных инвалидов, и мы прямо пошли туда [...].

Среди престарелых солдат мы скоро нашли нужных нам людей... это были два инвалида, которые с молодых лет служили на Кавказе. Когда мы начали расспрашивать их о Шамиле и о тех прошедших событиях, которые они пережили, старики оживились и с удовольствием поделились с нами своими воспоминаниями. Они вспомнили свою прошлую кавказскую жизнь.

Эти старики хорошо знали Льва Николаевича, и, когда им сказали, что Лев Николаевич хочет видеть лично их и побеседовать о кавказских походах, то они с удовольствием согласились ехать в Ясную Поляну.

И вот теперь многие читатели повести «Хаджи-Мурат» не сомневаются в том, что в некоторых местах языком автора говорят эти ветераны кавказской войны.

НИНО НАКАШИДЗЕ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Нино Накашидзе – супруга Ильи Накашидзе – познакомилась в 1898 году с семьей Л.Н. Толстого в Москве. Мария Николаевна Толстая сказала, что давно хотела познакомиться с кавказской женщиной, на что Лев Николаевич ответил своей сестре:

– Не кавказская женщина, а грузинка. Грузины не любят, когда их называют кавказцами. Грузинский народ – древний народ. Маша, ты помнишь, я тебе рассказывал, как две тысячи лет тому назад римский полководец Помпей пошел походом на Грузию и как она оказала ему сильное сопротивление. Другья Александра Никифоровича [Дунаева], грузинские студенты, рассказывали, что Грузия тогда была хорошо вооружена и умела вести войны. Грузия обладала сильной крепостью, – Лев Николаевич немного остановился, – Илья Петрович, – позвал он Илью [Накашидзе], что это за город был в Грузии, откуда послали в Италию семье Гарибальди телеграмму с выражением соболезнования в связи со смертью Гарибальди?

– Гори.

– Да, да, Гори. Все знали, что это Гори где-то в России, но на карте он не значился, и поэтому никто не мог определить, откуда эта телеграмма была прислана. Я тоже, конечно, не знал... И вот, оказывается, Помпей не смог взять эту Горийскую крепость

даже при помощи своей новой стенобитной машины. Видишь, Маша, грузины еще тогда были образованными людьми, как римляне, – сказал он со смехом своей сестре и добавил: – эта крепость, оказывается, и сейчас еще стоит. Вы видели ее, Нина Иосифовна? Нет? Наши друзья, т.е. мои и друзья Дунаева, студенты, все бывали в Гори и видели эту замечательную крепость.

О МАТЕРИАЛАХ ДЛЯ ПОВЕСТИ «ХАДЖИ-МУРАТ»

И.П. Накашидзе – Л.Н. Толстому

Дорогой Лев Николаевич, как получил Ваше письмо, написал сейчас же в Тифлис надежному человеку, который, надеюсь, исполнит все хорошо.

16.I.1902 г.

И.П. Накашидзе – Л.Н. Толстому

Дорогой Лев Николаевич, был я в Румянцевском музее, и там мы вместе с заведующим библиотекой пересмотрели все, что есть о времени царствования Николая I и лично о нем.

Все мелочи, разбросанные по разным книжкам Русской старины, Русского архива, Исторического вестника и т.д.

Единственно цельный свод – это сочинение Lascoix, которое я Вам прислал, к сожалению, не пригодилось Вам.

Мне советовали в Рум. Музее, чтобы Вы обратились в Петербургскую публичную библиотеку, что там может найтись больше материала, чем у них.

30. VIII. 1902

И.П. Накашидзе – Л.Н. Толстому

Вчера Павел Александрович передал мне Вашу просьбу рекомендовать кого-нибудь в Тифлисе, кто может прислать дело из архива. Пишу Вам адрес моего приятеля – юриста, который может толково сделать это дело. И за какой год, и куда выслать. Я в свою очередь пишу ему сегодня письмо.

Тут мы Вам разыскали двух стариков солдат, свидетелей войны с Шамилем. Если будет нужно, напишите, и они приедут к Вам.

17.XI.1902

И.П. Накашидзе – Л.Н. Толстому

Дорогой Лев Николаевич, Вы, вероятно, уже получили от моего знакомого Шульгина сведения, добытые им у старушки Коргановой. Он мне рассказывал, что сведения эти скудны, старушка очень дряхлая и многое перезабыла.

Печально обстоит дело и в здешнем архиве. Работаем мы вдвоем: офицер, служивший в архиве, человек знающий [С.Эсадзе], и я под его руководством. Архив в таком состоянии, что надо перелистывать все дела, чтобы натолкнуться на то, что нужно, а дел – масса. Офицер этот давно занимается в архиве и говорит, что резолюции Николая I попадались ему, но что их очень мало. Относительно Хаджи-Мурата сведения попадают в донесениях, их можно собрать, если они нужны Вам. Присылаю пока то, что найдено нами до сих пор.

27.II.1903 г.

Л.Н. Толстой – И.П. Накашидзе

Спасибо Вам за Ваши два письма, дорогой Илья Петрович, и Ваши труды для меня. Радуюсь, что до сих пор Вас не тронули. Будем надеять-

ся, что так и будет продолжаться.

Вы пишете о Кавказ. сборниках, имею 22 тома. Я знаю «Сборник сведений о кавказских горцах...» и т.д. Из этого сборника у меня есть 6 первых томов. Дали из публичной библиотеки Петербурга еще 2,7,8 книги. Это ли самое? Вероятно, нет, и я пишу Стасову.

Сведения от Эсадзе не получил, вперед очень благодарю.

Еще просьба: Вы читали начало моего рассказа, если помните, там солдаты сидят в секрете, высланные из крепости Воздвиженской, и принимают присланного от Х[аджи-]М[урата] лазутчика. Все это, как мне вспоминается теперь, неверно. Для того, чтобы исправить эти неверные места, нужны ответы на следующие вопросы: не можете ли вы найти старого служаку, пехотного офицера, служившего в 1852 году, который бы ответил на эти вопросы:

Высылались ли они из крепости в секрет?

Если не высылались, то где стояли караул-часовые, ограждавшие крепость от внезапного нападения?

Каким образом принимали часовые приходящих лазутчиков и доставляли их к начальству?

7.III.1903 г.

И.П. Накашидзе – Л.Н. Толстому

Дорогой Лев Николаевич, пишу Вам в архиве. Сейчас генерал Василий Александрович Потто, заведующий архивом, передал мне для просмотра Кавказский Сборник, издаваемый по указанию его императорского высочества, главнокомандующего Кавказской армией... Знакомо ли Вам это издание? [...].

О «Хаджи-Мурате» выбираем для Вас сведения и будем высылать их по частям.

Эсадзе на днях, через два дня, вышлет все, что пока собрано им.

Узнал я, что тут есть один старик, имеющий кое-что интересное рассказать о Хаджи-Мурате, разыщем его и опросим.

1.III.1903 г.

Л.Н. Толстой – И.П. Накашидзе

Очень вам благодарен за присланные сведения [о Хаджи-Мурате]. Мне теперь ничего не нужно более, кроме ответа на тот вопрос, который я сделал вам в последнем письме. Характерных резолюций Николая I наверно нет.

Не знаю, как благодарить Эсадзе, приславшего мне столько выписок, сделанных своей рукой. Я никак не ожидал, что он положит столько труда на это, и мне теперь очень совестно перед ним. Не прислать ли ему мои сочинения с надписями?

Поблагодарите тоже очень и С.Н. Шульгина за его последнее письмо и сообщенные сведения. Записки о ранней деятельности Хаджи-Мурата мне не нужно и выписок из Кавказского Сборника. Он у меня будет. Спросите тоже у Шульгина позволения прислать ему мои сочинения. Я намереваюсь писать ему, но если за недугом и слабостью не успею, попросите его извинить меня.

20.III.1903 г.

С.С. Эсадзе (заместитель начальника Кавказского военно-исторического архива) – Л.Н. Толстому

... С описанием жизни Хаджи-Мурата связаны многие другие вопросы, каковые, например, распространение и борьба с мюридизмом, история трех имамов Чечни и Дагестана: Казы-Мулы, Гамзет-бека и Шамиля, отношение аварских, мехтулинских и других властителей к русскому

правительству, обзоры военных действий и гражданского управления в эпоху, когда мюридизм получил наибольшее развитие (1830-1852) и т.д. По получении от Вас программы для моей работы я буду считать за особую честь для себя доставить все необходимые для Вас сведения, а пока я приступил к собранию документов, относящихся до Хаджи-Мурата и не вошедших в присланные Вам отделом X томов актов археографической комиссии...

5.III.1903 г.

Л.Н. Толстой – С.С. Эсадзе

Очень благодарен Вам за Вашу любезную готовность помочь мне.

Мне желательно иметь только то, что 1. касается Хаджи-Мурата, и то, кроме всего того, что есть в X томе актов, и 2. распоряжения о Кавказской войне во время наместничества Воронцова и в особенности 50, 51 и 52 годов.

19.II.1903 г.

Л.Н. Толстой – С.С. Эсадзе

Семен Спиридонович, получил ваши бумаги, книгу и карты, и не знаю, как достаточно благодарить вас за тот огромный труд, кот. Вы делали и делаете для меня [...].

...Теперь пришлите мне, пожалуйста, то, что у вас сделано, но дальше, пожалуйста, не работайте, так как имеющихся у меня материалов мне вполне достаточно. Кавказский сборник (многотомное издание, выпускаемое периодически Штабом Кавказского военного округа) у меня есть – все тома, какие мне нужны.

Еще будьте так добры сообщить мне, какие книги и бумаги, подлежащие возвращению, высланы вами мне, с тем, чтобы я мог отобрать их от многих имеющихся у меня из других

▲ Семен Эсадзе

мест и отослать вам.

Еще раз очень благодарю вас, и желал бы иметь случай чем-нибудь отплатить вам.

Лев Толстой

6. V. 1903 г.

Вскоре Л. Н. Толстой выслал Эсадзе собрание своих сочинений с надписью на каждом томе.

*Л.Н. Толстой – Е. Г. Вейденбауму
(начальнику Кавказского
военно-исторического архива)*

Возвращаю с благодарностью X том Актов. X том Актов Кавказской археографической комиссии, о котором говорится в письме, содержал сводку материалов за время управления Кавказом М.С. Воронцовым, именно тогда, когда Хаджи-Мурат передался русским властям. Заметки на полях карандашом сделаны мною, равно и некоторые поврежде-

ния листов.

С совершенным уважением, готовый к услугам

Лев Толстой

28. VI. 1903 г.

Л.Н. ТОЛСТОЙ О ГРУЗИНАХ

Письмо к Н.Я. Дадияни

(отрывок)

Дорогая сестра.

Я никогда не видел ни вас, ни вашего покойного мужа, но с тех пор, как узнал о вас, не переставая любил вас и радовался на вашу прекрасную жизнь, которая, как это всегда бывает [...], вам самим казалась неудовлетворительной. И потому смерть такого сильного и нужного человека, как ваш муж, горестна для меня, для вас же, должно быть, ужасно тяжела [...].

Все, что я слышу и узнаю про вашего мужа, заставляет меня все больше и больше жалеть о том, что я не знал его и не мог почерпнуть из общения с ним той твердости и доброты, которые, как мне говорили, составляли особенности его характера.

Если вы мне напишете о нем и о себе, о предположениях ваших, то очень обяжете меня.

Братски приветствую вас.

Лев Толстой

1900 г.

Н.Я. Дадияни – супруга Георгия Александровича Дадияни (1856-1900), который оставил военную службу под влиянием учения Толстого, отказался от своего состояния и наследства и в 1895 году стал трудиться в колонии «толстовцев» близ города Нальчик на Северном Кавказе.

ИЗ ПОВЕСТИ «ХАДЖИ-МУРАТ»

Войдя мягкими, поспешными шагами, он [Воронцов] извинился перед дамами за то, что опоздал, поздоровался с мужчинами, подойдя к грузинской княгине Манане Орбельяни, 45-летней, восточного склада, полной высокой красавице, подал ей руку, чтобы вести ее к столу [...].

Воронцов сел в середине длинного стола. Напротив его села княгиня, его жена, с генералом. Напротив от него была его дама, красавица Орбельяни, налево – стройная, черная, румяная в блестящих украшениях княжна-грузинка, не перестававшая улыбаться..

ОТЗЫВ Л.Н. ТОЛСТОГО О ГРУЗИНАХ В ПЕРЕДАЧЕ Д.П. МАКОВЕЦКОГО

Это милейший народ, эти грузины, и умные, и кроткие, и добрые...

1905

Ответ Л.Н. Толстого «Тифлисским барышням»

на их обращение за советом, как полезнее употребить свои знания. К примеру, 17 декабря 1886 года он написал подробный ответ», обратившимся к писателю с просьбой наставить их, как полезнее употребить свои знания:

...Вы спрашиваете дела. Кроме общего всем нам дела – стараться уменьшить те труды, которые употребляются другими на поддержание нашей жизни, сокращая свои требования и делая своими руками, что можешь сделать для себя и для других, у приобретших знания есть еще дело: поделиться этими знаниями, вернуть их назад тому народу,

который воспитал нас. – И вот такое дело есть у меня.

Существуют в Москве издатели народных книг, азбук, арифметик, историй, календарей, картин, рассказов. Все это продается в огромных количествах экземпляров, независимо от достоинства содержания, а только потому, что приучены покупатели и есть искусные продавцы. Один из этих издателей, Сытин, мне знакомый хороший человек, желающий сколь возможно улучшить содержание этих книг.

Дело же, предлагаемое мною Вам, следующее: взять одну или несколько из этих книг – азбуку ли, календарь, роман ли (особенно нужна работа над повестями – они дурны, и их много расходуется) – прочесть и исправить или вовсе переделать. Если вы исправите опечатки, бессмыслицы, там встречающиеся, то и то будет польза, потому что как книга ни плоха, она все-таки будет продаваться. Польза будет в том, что меньше будет вздору и бессмыслицы сообщаться народу. Если вы при этом еще выкинете места глупые или безнравственные, заменив их такими, чтобы не нарушался смысл, это будет еще лучше. Если же вы, под тем же заглавием и пользуясь фабулой, составите свою повесть или роман с хорошим содержанием, то это будет уже очень хорошо. То же о календарях, азбуках, арифметиках, историях, картинах.

Итак, если работа эта вам нравится, выбирайте тот род, в котором вам кажется, что вы можете лучше работать, и напишите мне. Я вышлю вам несколько книг.

Очень бы желал, чтобы вы согласились на мое предложение. Работа, несомненно, полезная. Степень пользы будет зависеть от той

любви, которую вы положите в нее (63, 428-239).

Письмо знаменательно в нескольких аспектах. Во-первых, Лев Николаевич совершенно серьезно отнесся к просьбе барышень, не знающих, чем занять себя, и посчитал, что они могут участвовать в общем деле. Во-вторых, совершенно его современно звучит его концепция о массовой литературе – об издании текстов, не имеющих отношения к литературе, и их широком распространении при хорошей рекламе. И в-третьих, Толстой одобряет вмешательство в чужой текст, если он, по его мнению, негоден. Одобряет его изменение, добавление новых сюжетов, использование фавулы, переделку на благо читателя. Другой вопрос, способны ли все «барышни» исправить чужие тексты, но сам подход интересен. Толстой, по-видимому, делит литературу на серьезную, классическую, в которую он вряд ли допускает вмешательство, и массовую, которую не стесняясь следует улучшать.

ИЗ ПИСЬМА СТУДЕНТА Б. ГЕГИДЗЕ Л.Н. ТОЛСТОМУ

...Еще не было ни одного писателя в мире, для меня лично, который имел бы такое влияние на выработку моего мирозерцания, который столько бы меня научил, столько бы объяснил в вопросах жизни, как Вы... (8.IX.1902) (приводим по книге Г. Талиашвили. «Лев Толстой и Грузия». 1951, с.56).

ИЗ ДНЕВНИКА Л.Н. ТОЛСТОГО О КНИГЕ Б. ГЕГИДЗЕ «В УНИВЕРСИТЕТЕ»

Читал университетские очерки Гегидзе. Бедный искренний юноша видит нелепость университетской науки и всей культуры и ужас того разврата, которому он подпадает. В

одном месте, говоря о том, что делать, какую поставить себе цель в жизни, он, вперед решая, что такую целью, конечно, не может быть само-совершенствование, перебирает все другие цели, и все они не удовлетворяют его [...].

Бедный юноша мечется, отыскивая достойную цель жизни, и, естественно, бедное, заблудшее существо останавливается на женской любви, наивно воображая, что в этой любви – главное, высшее назначение человека. Не имея перед собой никакой духовной цели, ему естественно представляется, что то, вложенное в животную природу человека стремление в продолжению рода, выражающееся более или менее поэтической любовью, и есть высшее назначение человека. Хотелось бы напечатать несколько слов по этому поводу.

14.XI.1903

Письмо «Тифлисского студенческого землячества при Московском университете» Л.Н. Толстому

Глубокоуважаемый Лев Николаевич!

Идея навстречу потребностям, назревшим среди широких слоев кавказской учащейся молодежи в изучении Кавказа в географическом и культурном отношении, равно как и в целях широкого ознакомления русского общества с действительным положением и значением этой окраины, тифлиское землячество при Московском университете взяло на себя инициативу организации студенческого кружка кавказоведения. Но для того, тобы «кружок» с самого же начала мог широко и серьезно поставить дело изучения, необходи-

мы средства. Поэтому землячество предприняло издание «Кавказского альманаха», в котором в ряде научно-популярных и литературных очерков должен быть представлен Кавказ с его природой и населением, историей и культурой в наиболее интересных, типичных чертах и моментах. Как показывает здесь в общих чертах программа «Кавказского альманаха», издание его послужит первой попыткой на пути осуществления второй из намеченных целей – ознакомлению русского общества с Кавказом. Зная Вашу отзывчивость на просветительские нужды страны, Правление тифлисского землячества Вас просит оказать ему содействие в издании «Альманаха», прислав какую-нибудь статью соответствующего характера. (Цитируем по: А. Николадзе. Русско-грузинские литературные связи. Тбилиси, 1958, с. 185).

▼ **Илья Чавчавадзе с супругой Ольгой в Сагурамо**

Насколько известно, это последнее по времени письмо, обращенное грузинскими студентами к русскому гению. Ответного письма Л.Н. Толстого не сохранилось, возможно, здоровье уже не позволяло ему участвовать во всех начинаниях и просьбах. К Толстому обращаются самые разные представители грузинского общества как к непререкаемому авторитету. Подчеркивается именно его отзывчивость к нуждам просвещения, широчайший взгляд на проблемы развития общества и благосклонность к грузинским вопросам.

О ВОССТАНИИ В ГУРИИ В 1902-1905 ГГ.

И.П. Накашидзе подробно делится с Толстым сведениями о гурийских событиях. Интересно, что когда русский гений с истинной скромностью пишет о том, что в Гурии о нем представления не имеют, он, возможно, тоже во всех тонкостях не представляет особенностей этой области Грузии, но она становится ему близка, и он просит своего грузинского друга сообщать обо всех подробностях.

И.П. Накашидзе – Л.Н. Толстому

Милый и дорогой Лев Николаевич, письмо это передаст Вам мой старинный приятель Михаил Кипиани, очень симпатичный человек. Он провел 12 лет в Сибири и по тюрьмам, гонимый правительством, и сохранил бодрость духа и энергию. Приятель мой расскажет Вам подробности очень интересного крестьянского движения у нас в Гурии (Озургетский уезд, Кутаисской губ.), где уже несколько лет крестьяне не работают у помещиков, упразднили суд, администрацию. Об этом дви-

▲ Гурийская деревня. Начало 20 в.

жении я Вам писал раньше. Теперь оно сильно.

17.I.1905 г.

ИЗ ДНЕВНИКА Л.Н. ТОЛСТОГО

Утром б[ыл] милый человек Кипиани, ко[торый] рассказал чудеса о том, что делается на Кавказе: в Гурии, Имеретии, Менгрелии, Кахетии. Народ решил быть свободн[ым] от правительства и устроиться самому. Душан записал. Надо будет изложить. Это – великое дело.

21.I.1905 г.

Удивительные сведения из Гурии, как они упразднили правительство и освободились, одновременно стали вести лучшую жизнь и стали более свободны. Записать надо очень важное, не знаю, осилю ли.

1.II.1905 г.

Л.Н. Толстой – И.П. Накашидзе
(отрывок)

Сведения, которые К[ипиани] собрал, по моему мнению, огромной важности, и непременно надо познакомиться людям с тем огромной важности событием, которое происходит в Гурии.

Хотя я знаю, что гурийцы не имеют понятия о моем существовании, мне все-таки очень хочется передать им выражение тех чувств и мыслей, которые вызывает во мне их удивительная деятельность.

Если вы можете и найдете это удобным, передайте им, что вот есть такой старик, который двадцать лет о том думает и пишет, что все беды людские от того, что люди ждут себе помощи и устройства жизни от других, от властей...

1905

И.П. Накашидзе – Л.Н. Толстому

Вся Гурия, от мала до велика, сейчас настроена революционно, готова хоть сейчас взбунтоваться и ждет только, что предпримет русский рабочий народ. Это открыто заявили представители сходов крестьянских в Гурии посланнику главнокомандующего Крым-Гирею...

Гурийцы поступили с властями, губившими их, по закону Моисея – око за око, зуб за зуб. У меня язык не повернется обвинять их за это после всего того, что я узнал в Гурии о насилиях, творимых над гурийцами властями, раздувавшими отказ крестьян работать у помещиков в целый бунт, с целью выслужиться перед начальством.

27.III.1905

И.П. Накашидзе – Л.Н. Толстому

...Могу сообщить Вам приятную новость: в Озургетском уезде, Кутаисской губернии, среди крестьян-гурийцев (грузины) осуществилось то, о чем вы писали в письме к рабочему народу. В прошлом году там были волнения, а теперь крестьяне отказываются брать в аренду помещичьи земли и не идут в работники к ним. Замечательно единодушно действуют крестьяне. Помещики негодуют, точно работать на них был священный долг крестьян, которые теперь затеяли крамолу. Дядя мой, человек довольно состоятельный, до сих пор не может примириться с той мыслью, что это крестьяне осмелились не работать на его земле.

Удивительно то, что отказалась работать у помещиков половина населения уезда. Терпят нужду, идут на заработки повсюду и твердо стоят на своем.

Дорогой мой родственник, который теперь с нами, говорил мне, что

долго и щетно искал нанять работника для своего хозяйства, что дворяне-помещики остались без работников, прислуги.

Население Озургетского уезда, гурийцы, тоже грузины, это только название областное... Народ наш самый смысленый и восприимчивый в Закавказье. Грузинские книги и газеты больше всего распространяются там. Буду следить и сообщать вам, как пойдут дела дальше.

11.IV.1903

И.П. Накашидзе – Л.Н. Толстому

... Все время помню Вашу просьбу не забывать Вас и сообщать о Гурии, только до сих пор не удалось мне вырваться из Тифлиса, чтобы на месте быть в курсе дела. Через несколько дней еду в Гурию и буду писать Вам оттуда. Пока посылаю правдивое изображение того, что в Гурии сейчас делается, написанное моим приятелем, профессором-гурийцем [Н.Я. Марром]

17.IX.1905

Здесь важен тот факт, что Толстой, называя и, возможно, ощущая себя стариком, во многом остается открытым миру ребенком, продолжая с наивностью гения полагать, что в огромной империи отдельно взятая область – Гурия – может надолго построить собственную независимую жизнь. Тем не менее весьма значительно то, что из всего гурийского восстания его заботит именно вопрос свободы и человеческой инициативы. Грузию он воспринимает близкой себе страной.

Работы участников конкурса
«Мир Толстого». 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕВ ТОЛСТОЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ	6
ТБИЛИСИ: РОЖДЕНИЕ МАСТЕРА	12
«...ВО МНЕ ПРОИЗОШЛА БОЛЬШАЯ НРАВСТВЕННАЯ ПЕРЕМЕНА»	26
СОЗДАНИЕ «ХАДЖИ-МУРАТА»	33
ГРУЗИНСКИЕ СВЯЗИ Л.Н. ТОЛСТОГО	42
ГРУЗИНСКИЕ ДЕЯТЕЛИ О ТОЛСТОМ	48
«ТОЛСТОВСКИЕ МОТИВЫ» В ГРУЗИИ В ХХІ ВЕКЕ	54
ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЛЬВА ТОЛСТОГО НА ТБИЛИССКОЙ РУССКОЙ СЦЕНЕ	63
ПРИЛОЖЕНИЯ	72

რუსულ-ქართული კულტურული ურთიერთობები ქვეყნარტად ისტორიული მოვლენაა, რომელსაც ანალოგი არ აქვს.

რუსეთსა და საქართველოს ურთიერთობები სათავეს მეათე საუკუნეში იღებს - უძველეს ქრონიკებში ნახსენებია საქართველო და თბილისი. 1491 წელს დამყარდა დიპლომატიური ურთიერთობები. პეტრე პირველის დროს მდინარე პრესნიაზე საფუძველი ჩაეყარა ქართულ დასახლებას (თავდაპირველად - „გრუზინი“, ახლა - ბოლშაია გრუზინსკაია). XVIII საუკუნის ბოლოდან, გეორგიევსკის ტრაქტატის დადების შემდეგ, 1783 წელს ორ ქვეყანას შორის განსაკუთრებით მჭიდრო და ინტენსიური ურთიერთობები დამყარდა.

საქართველო პასუხობდა მფარველობას დახმარებითა და მხარდაჭერით - მათ შორის კულტურული და სულიერით. ბევრმა რუსეთში დევნილმა დიდმა რუსმა საქართველოში თავშესაფარი მიიღო. ისინი აქ ყოველთვის პოულობდნენ თავისუფლებას, სამსახურს და თავყვანისცემას.

სერია „რუსები საქართველოში“ - რუსული ხელოვნების, რელიგიის, მეცნიერების, ლიტერატურის, სპორტის მოღვაწეების საქართველოში ყოფნის მდიდარი ისტორიის სისტემატური გაშუქების პირველი მცდელობაა, იმ გამოჩენილი ადამიანების, რომლებიც იმსახურებენ მაღლიერ ხსოვნას შთამომავლობისაგან.

სერია რუსეთ-საქართველოს ურთიერთობების ნამდვილი ენციკლოპედია იქნება.

პროექტის მიზანია ხელი შეუწყოს რუსეთის კულტურული მემკვიდრეობის პოპულარიზაციას, ააღორძინოს ინტერესი რუსეთის მიმართ საქართველოში და პირიქით, საზოგადოებრივი და კულტურული დიალოგის გაღრმავებას ორი მართლმადიდებელი მეზობელ ერს შორის.

Russian-Georgian cultural relations are truly a historical phenomenon that has no analogues.

Russia and Georgia are bound by eleven centuries of mutual intercourse. Starting of those relations dates back to the X century - Georgia and Tbilisi are mentioned in the ancient chronicles. In 1491 diplomatic relations were established. During Peter the Great's reign on the banks of the river Presnia was built Georgian settlement (colloquially - "Georgians", now - Bolshaya Gruzinskaya (Great Georgian). And at the end of the XVIII century, after signing of Georgievski Treaty in 1783, the relationship between two countries became particularly close and intense.

Georgia answered with help and support on this patronage. Many great Russians found shelter here - disgraced and persecuted in Russia, in Georgia they always found freedom, work and reverence.

A series "Russians in Georgia" is the first attempt of systematic coverage of the rich history of staying in Georgia outstanding Russian artists, religious leaders, scientists, writers, sportsman worthy grateful memory of descendants.

The series will be a real encyclopedia of Russian-Georgian relations.

The project aims promoting the Russian cultural heritage, the revival of interest to Russia in Georgia and to Georgia in Russia, intensifying social dialogue and cultural exchange of the two Orthodox neighbor nations.

Издатель -
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

Руководитель проекта -
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ,
заслуженный артист РФ

МАРИЯ ФИЛИНА

КАВКАЗ... НЕСОМНЕННО
СТРАНА ЛЮБВИ...
ЛЕВ ТОЛСТОЙ

Редактор
АЛЕКСАНДР СВАТИКОВ

Над книгой работали
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
АЛЕНА ДЕНЯГА
МАРИНА МАМАЦАШВИЛИ
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ

Дизайн, компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

ИЗДАНИЯ «РУССКОГО КЛУБА»

Филина Мария Анатольевна – доктор филологических наук. Профессор Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили. Основатель и президент культурно-просветительского союза поляков Грузии «Полония». Автор более 150 научных трудов и эссе по русской литературе, русско-грузинским взаимосвязям, польской литературе и польско-грузинским культурным контактам. Составитель многих сборников польской поэзии. Редактор научных изданий.

Автор ряда литературных сценариев, очерков и эссе. Награждена Кавалерским Орденом «Заслуги перед Республикой Польша», орденом Чести Грузии, Золотым Кубком Сената Польши, Медалью А.С. Пушкина. Руководитель программ по славянским литературам в ТГУ. Организатор многих научных конференций и встреч по русской литературе, польской литературе и литературным взаимосвязям.

Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» (МКПС) - грузинская общественная неправительственная организация. Зарегистрирована в 2003 году. Входит в Международный союз российских соотечественников (МСРС). Президент Союза – Николай Свентицкий, директор Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова, заслуженный деятель искусств РФ, кавалер Ордена Дружбы. На сегодняшний день членами Союза являются более пяти тысяч людей из разных стран мира - как частные персоны, так и целые организации. Главная задача «Русского клуба» - всестороннее развитие и укрепление культурных связей между Грузией и Россией как двумя независимыми государствами на основе сотрудничества, дружбы и взаимопонимания. Деятельность союза охватывает самые разные сферы жизни – литературу и искусство, образование и науку, спорт и туризм. С момента основания Союз организовал и реализовал более 350 разнообразных проектов, самый масштабный из которых - ежегодный Международный русско-грузинский поэтический фестиваль (2007-2014); за семь лет участниками фестиваля были ведущие поэты Грузии и более пятисот литераторов из почти пятидесяти стран мира. Союз является издателем общественно-художественного журнала «Русский клуб», серий «Литературное приложение» к журналу, «Библиотека «Русского клуба», «Детская книга».

